

Синтез

СМЕНА

10
1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДРУЖБА НАВЕКИ!

В эти солнечные весенние дни, полные радостных песен и щебетания птиц, немного летает ветерка и шедает жаворонок. Мы вспоминаем печальную осень первого года войны. Тогда мы отходили на восток. Над нашими солдатскими окопными грудами тугими улетали голуби и гугу журавли, а высоко-высоко, за тучами, слезливыми облачками непрерывными дождями, надвигаясь и зловеще выли моторы вражеских бомбардировщиков... Позади остались Буг, лес Воляны, Днепр, Киев, многие села и города. Впереди лежали донские степи с еще дымящимися пирамидами шахтных терриконов — последние километры земли Украины.

С боями оставили мы дорожку, вымороженные нас места. Мы брали с карманами солдата к шинелей цветоти родной земли и, глядя слезобными глазами на пылающие села, до боли стискивали ще от обжигающей улыбки идущего рядом товарища.

— Не сумуй, друже! Вернемся!
И эти слова загладили в душу, согрели в суровые, неуютные осенние дни. Едом плечо к плечу шагали мои друзья — солдаты Таранщанского полка: русский Афанасьев, белорус Алехович, туляки Арсеничины.

Еще с первых июньских выстрелов на границе мы сплелись в одной роте, а теперь наша дружба превратилась в огие войны. Да, теперь в пососовую себя первый удар фашистского армее. В Украину смертью храбрых пали мои друзья, как и тысячи солдат других полков, пришедших на себя первый удар фашистского армее. Чувство единой, нерушимой семьи, воспитанное Коммунистической партией народов нашей страны, ведет их и в дни суровых испытаний и в дни мирного труда. Страшно подумать, что было с моей республикой, если бы людям не стоили наши братья!

Дивные теплоты остались на месте многих сел и городов Украины после варварского нашествия. В руинах лежал мой край — Донбасс. Сколико нужно было вложить человеческого труда, чтобы поднять его к жизни! И вот на помощь украинскому народу снова пришли русские братья — Москва и Ленинград, Урал и Сибирь прислали сюда машины и оборудование. Прошло не много времени — и на полях шахт загорелись дивные звездочки, так похожие на рубины: шахта Кривая, Валовая ват — социалистическая Родина вернула к жизни мою Украину, согрела ее своим теплом и лаской.

В огнях Днепротреста, в шахлах донецкого угля, в изобилии колхозов Полтавщины, в новых зданиях Киева труд не только украинский. Во всем огромная доля творчества всего советского народа.

Украина живет. Украина строится. Украина — в ордине полете!

С каждым днем все краше становится Киев — город-сад, утопающий в белом цветенье нашата, город древних памятников и только что завершенных чудесных новых домов на Крещатике. Тихо плещутся волны Днепра у гранитных набережных. Днепр широк и мощен. Легкомысленные чайки кружатся над ним. И еще пахнувшие свежей краской, уходит от причалов пароходы. Их путь далек. Они проедут у Переслава, где триста лет назад свершилась историческая Рада; у Киевской кручи, на вершине которой покоится прах великого Юбзаря — Тараса Шевченко и храброго сына русского народа любимого писателя Арнадия Гай-дара, погибшего в бою за Украину; мимо пышащих жаром домен Приднепровья, через шлюзы днепротрестского парохода Мойша Бахауэра — один из самых юных городов нашей Родины.

Украина щедра не только своей природой. Она богата чудесными людьми-трудягами. Их слаются песни, пишутся стихи и романы. Их портреты украшают выставки. Их имена в ряду имен лучших людей страны.

Наш город гордится молодыми сынами и дочерьми — Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда. Назы Кожешу, Мария Виконтей, Надежда Репина в Донбассе и Прандеевские, в Черноморье и Закарпатье украинские юноши и девушки работают не покладая рук, чтобы еще сильнее стала наша Родина. Их трудовые подвиги останутся в летописи комсомола нашего с бессмертием героев Тримоля и Крайнова.

Моя Украина цветет в братской семье республик-сестер. В одном нерушимом строю со всеми идет она к вершине счастья — коммунизму. Нежное весеннее солнце многонациональной Отчизны освещает нам путь в грядущее.

В дни бед и радостей всегда мы вместе. В этом наша сила, наше счастье, наше торжество. Никто и никогда не отнимет это нерушимое содружество могучей трудовой семьи! Замечательна весна этого года! Украина празднует великий юбилей. Тян вена рука об руку шлет она со своей старшей сестрой — партией Российской. Немало тяжких испытаний прошли они вместе. Дружба юности ныне год от года все сильнее и крепче. Родная Коммунистическая партия сплотила народы нашего Отечества в единую, монолитную, могучую семью, и неподобаю эта семья, крепка и нерушима ее дружба!

Микола УПЕНИК

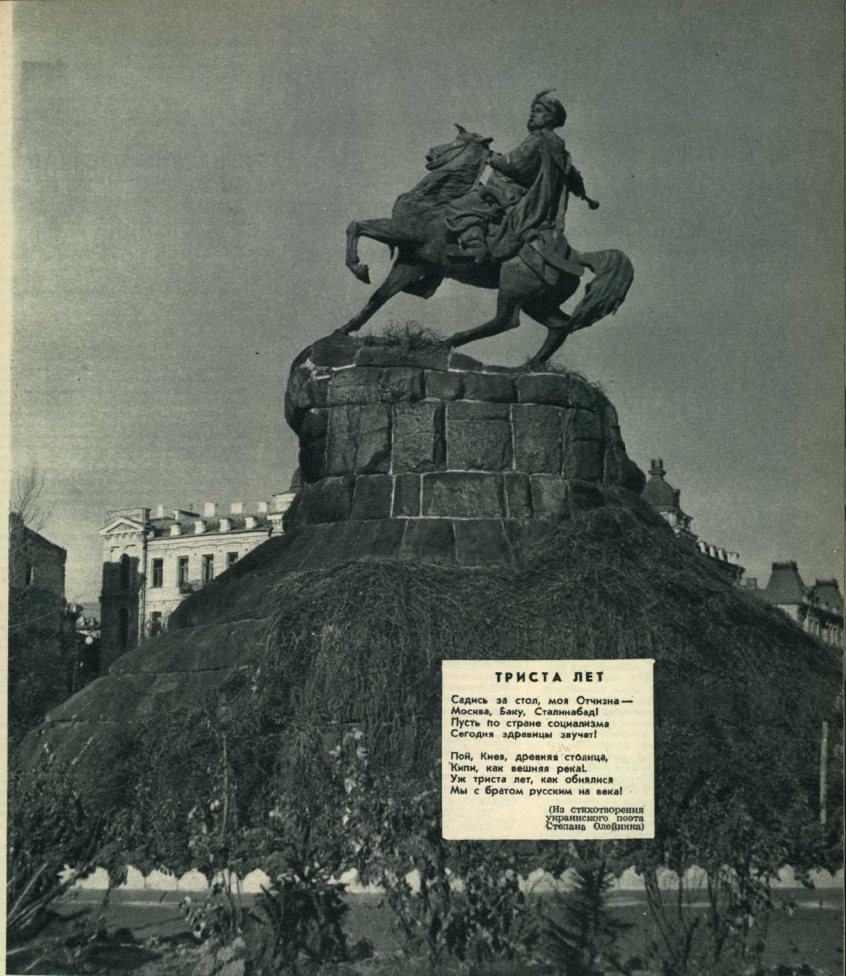

Вогата урожай зреют на полях Советской Украины. На с ним же: Уборка хлеба избываюм в колхозе «Перемога», Шолоднского района, Киевской области.

Сотни тысяч украинских юношей и девушек участв в высших учебных заведениях и техникумах республики. На с ним же: студентка Харьковского медицинского института Инна Богавейнская.

Донбасс — сердце индустриальной Украины. Страна козружена донецких шахтеров богатой техникой. На с ним же: подвесная дорога, по которой добывают уголь направляется на обогатительную фабрику.

ТРИСТА ЛЕТ

Садись за стол, моя Отчизна —
Москва, Баку, Сталинабад!
Пусть по стране социализма
Сегодня здравницы звучат!

Пой, Киев, древняя столица,
Кипи, как вешняя река!
Уж триста лет, как обнялись
Мы с братом русским на века!

(Из стихотворения
украинского поэта
Степана Олещинки)

Памятник Богдану Хмельницкому в Киеве.

Фото Я. Халипа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 10. 1954 год.

Год
издания
31-й

НА КОРСУНЬСКОМ ПОЛЕ

Прекрасен весенний лес у Крутой Балки под Корсунь-Шевченковским. Залиты солнцем белые хаты, пышные сады и поля колхоза имени Богдана Хмельницкого.

Славные места чести и славы оружия двух братских народов, русского и украинского, как писал Ленин, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории». Здесь 15 мая 1648 года Богдан Хмельницкий в знаменитой битве уничтожил основные вооруженные силы Речи Посполитой, нанес сокрушающий удар военному могуществу правительства польских магнатов и шляхты, подорвал его политический международный авторитет.

В лесистых урочищах, враг и балках под острыми казачьиными саблями гибли не только гонимые шляхтичи,— тут обращались в бегство, сдавались в плен считавшиеся в то время лучшими в Европе конные соединения наемных немецких рейтаров.

Два гетманов — Потоцкий и Калиновского — и около тысячи жюлиеров и шляхтичей встали в полон Хмельницкий в этом сражении. Вся польская артиллерия и 94 знамени противника достались мужественному победителю.

В освободительной войне, смело поднятой Богданом Хмельницким, украинский народ проявил чудеса храбрости и упорства. Однако только своими силами, без помощи русского народа, он не мог вызвать свою родину из лютой панской неволи. Выражая надежды и чаяния украинского народа, Хмельницкий с начала войны обращается к русскому государству с просьбами о помощи и о включении Украины в состав России.

Мы стоим у Рязанского яра, под могучим дубом. Здесь, по преданию, пировал Богдан Хмельницкий, отмечая сразу две победы: первую — на Желтых водах, где бесслезно погиб польский командующий Стефан Потоцкий, и вторую — под Корсунем.

Этот дуб описан великим украинским поэтом-демократом Тарасом Шевченко, родившимся в задних местах, в селе Моринцах. Ветанский дуб в четыре обхвата стоит, не шелохнется. И вдруг прозрачную тишину нарушает хриплое карканье, и с иронии дерева срывается старый ворон. Вещая птица взлетает на верхнюю сосну.

— Слышал я, ворон живет сотни лет,— задумчиво говорит Вася Дорошенко, знаменитый в этих краях тракторист. Электротрактор он пахал землю у исторического леса и не раз стаялся под тенистыми ветвями старого дуба. При норме в 700 гектаров Вася вспахал в прошлом году 1038 гектаров. Ему не верится, что не так давно эти самые поля крестьяне ковыряли деревянной сохой. От сохи до электротрактора — вот та огромная дистанция, которую одолели колхозники за несколько поколений.

Одна из широких ветвей дуба сломана и почернела — то ли в нее ударила молния, то ли угодила тяжелой снаряд.

На этих исторических полях, где три века тому назад Богдан Хмельницкий разбил армию

ЛЕСНАЯ БАЛЛАДА

Микола НАГНИБЕДА

Спит Брянский лес. Туман стоит
Над всем лесным простором,
Едва заметны меж рашит
Вечерние озера.
Верезки робко возле них
Велесую стеною
Стоят в сорочечках альяных
И белы ножки мюют,
Как в русской сказке...
Вон одна,
Как девица, тоскует...
Над спящим лесом тишина
Немая торжествует.

Как в сказке,
стежка в лес ведет,
Темнеет чья-то хата...
Чу! Кто-то лесной там поет...
Я знала ее когда-то:
Ее, украинскую, мне,
Чтоб я усну, упрямый,
При звездах ярих, при луне
Певала в детстве мама.
...Укорня шаг.

У двери вмиг
Рука сама стучит...
И на пороге не лесник —
Красавица стоит.
Спросила, кто, куда и как,
И рад, словно брату!
— Я ж переславка! Земляк!
Скорей идите в хату!

Я в хату светлую вошла,
Уютно там и чисто.
Вмиг — скатерть новая на стои
И каравай душистый...
На платке ордина видны,
Прерываю козю:
— Я породилась в дни войны
Со эдешней сторуною,
В отряде я у Ковцака
Радисткою служила,

И тут я хлопца-лесника
В те годы полюбала.
Василь... Он в этой хате жил,
Он русский, брянский родом,
Он с нами хлеб и соль делил
Великого похода.
— Эх, сердце мое стынет...
Погиб... на Украине...

Вернулася я с войной сюда,
Не хочет сердце никуда.
Тут круж моего родня,
Тут край наш партизанский,
Тут знают, любят все меня,
Во всей округе брянской.

...Вот первый луч пришеа в лесок
И в окна глянул прямо,
Проснулся шустрый Василек:
— Ты встала, мама?
— Давно, сынок,
Встала и ты,
Подика поглядик-ка,
Поспела ли черника.

И, взяв ведро, водыцы
Набрала из крипицы,
Мне «Добрый путь!» сказала
И счастья пожелала.

Как в русской сказке,
лес шумит

И ветер озорует,
Да птица в вышину летит...
Так повстречала зарю я...
Как в русской сказке, самоцвет
В озерах — балки солнца...
И переславка мне встает
Глядит-глядит в окошке.

Авторизованный перевод с украинского
Александра ТВЕРСКОГО.

польской шлахты, в годы Великой Отечественной войны войска 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ивана Конева окружили десять гитлеровских дивизий и одну моторбригаду общей численностью в 80 тысяч человек.

Освобожденное от фашистского иго украинское население помогало советским войскам. Житель села Комаровки Макар Усеико провел тогда в тыл противника двенадцать танков. Дед Кодола из села Хильчи, в чьей хате находился фашистский штаб, привел ночью советских разведчиков и помог им сжечь свое жилище вместе с находившимися там вражескими офицерами. Это ли не проявление настоящего характера советского человека, которому не жалко ни своего имущества, ни самой жизни для достижения победы!

Во избежание лишнего кровопролития генерал армии И. С. Конев предвзял оружием гитлеровским войскам ультиматум с требованием безоговорочной капитуляции. По настоянию Гитлера, посылающего в тыл окруженной группировке восемь танковых, несколько леготных дивизий и 600 самолетов, ультиматум советского командования был отвергнут.

Проявляя беспримерную стойкость и беззаветную храбрость, советские полки 14 февраля 1944 года умелым обходным маневром освободили подожженный противником город Корсун-Шевченковский. Желанное кольцо вокруг обреченных фашистских дивизий сжалось до предела.

Наступательный порыв советских войск не могли остановить ни весенняя распутица, ни грязь, затопившая все дороги, ни метели, сменявшиеся дождями. В результате ликвидации окруженной группировки враг потерял убитыми 55 тысяч и пленными 18 200 солдат и офицеров и огромное количество техники.

Корсун-Шевченковская операция, «новый Сталинград», явилась важнейшим этапом в серии непрерывных сражений, полностью освободивших Украину.

— Странно даже подумать! Вся Украина была под пятой гитлеровца. Что бы с нами было, если бы на помощь нам не явился великий русский народ! — говорит директор Корсунской электр-МТС, вынимая из кожаной сумки плоский немецкий штык. Ржавчина разела оружие, и сейчас ни не то что убить человека, орехе расколоть, и то нельзя. — Много варваров арывало на Украину, и всегда на помощь украинскому народу приходили русские. Это вот земля, ох, как обильно удобренная трупами татарских и турецких, шведских и разных других завоевателей!

Свидетели славы русского оружия — курганы и братские могилы — разбросаны вокруг Корсун-Шевченковского. На каменных обелисках высечено много имен сынов всех народов, населяющих Советский Союз, но больше всего запечатлено так русских фамилий.

Многие участники сражений под Корсун-Шевченковским были награждены орденами Советского Союза, в том числе и орденом Богдана Хмельницкого, учрежденным в дни, когда победоносные полки Советской Армии освобождали Украину от фашистского ига.

Сейчас, в дни мирной ordenскую мурующую лету светосинего цвета с белыми продольными полосками, соответствующую ордену Богдана Хмельницкого, можно встретить на груди людей на всей территории Советского Союза. Ее носят бывшие воины: рабочие Москвы, буровые мастера Баку, белорусские львоводы, хлебопашцы Кубани и туркменские коневоды. Ее как один из символов нерушимой дружбы народов Советского Союза можно увидеть, на Сахалине, в Молдавии, на берегах Ледовитого океана — везде, где трудятся советские люди.

Мы едем вдоль бесконечных колхозных полей. Намечуся проносятся сотни автомашин, меляющих высоковольтные молоты.

Огромное поле Корсун-Шевченковской битвы ежегодно приносит полновесные урожки. На месте распаханных противотанковых ровов, окопов и траншей созревают пшеница и янго. Давно уведены отсюда и переплавлены в маренгах искаленные здесь гитлеровские танки. И неспроста токарь МТС Иван Федоренко, показывая нам могучие электропилы, намекает:

— Может быть, их отлили из стали уничтоженных здесь фашистских танков.

Давно восстановлены разрушенные фашистами железнодорожные станции, сахарные заводы дают щелочные рафинады и сахарного песка, островные сложившиеся долга горюди Силета, Звенигородка, Лысица, десяток лет назад звазовляно упоминавшиеся в скупых сводках Совинформбюро.

Но ничто не выветривается из памяти людской. В государственном музее «История Корсун-Шевченковской битвы», размещенном в бывшем дворце графини Лопухиной-Давыдовой, можно увидеть писанные маслом батальные сцены, воспроизводящие танковое сражение в Лысице, сонную атаку казаков на фашистские Батареи.

Научные сотрудники музея и его директор Аиксентий Гаркуша по крупицам собирали ценные материалы о том, как под руководством Коммунистической партии русские и украинские рабочие и крестьяне героически уничтожали денкинские, петлюровские, врагелеские и белопольские банды на Киевщине.

В специальном зале музея нашли свое отра-

Новая техника пришла в Корсун-Шевченковскую МТС. На снимке директор МТС А. Яровой, главный инженер Ф. Кишин и инженер-электрик П. Лысичко осматривают только что полученные электропилы.

жение гигантские успехи в хозяйственной и культурной строительстве Украинской ССР, которая благодаря помощи великого русского народа стала могучей индустриально-колхозной республикой.

С каждым годом преобразуется облик украинской земли. Все познается в сравнении. В Корсун-Шевченковском, где когда-то надились мелкие чугунолитейные мастерские, построен огромный станостроительный завод, выпускающий токарные станки. В городе действуют маслозавод, швейная и пуговичная фабрики, строятся фабрики лозовой мебели и мельничных комбайнов.

Корсун-Шевченковская электростанция, возведенная на Роск, у развалин крепости, построенной во времена Киевской Руси Ярославом Мудрым, вместе со Стеблевской и Дыбенской электростанциями включена в единую энергосистему, дающую ток колхозам шести районов и первой на Украине электр-МТС.

Эта МТС — гордость украинского колхозника — стоит, как маяк, в степи. Все передовое тянется к ее живительному свету. Она решает судьбу урожаев и обновления района. В многоколхозном коллективе МТС работают 17 агрономов и 17 зоотехников, трудятся большой отряд инженеров и механиков.

Бригадир трактористов Александр Сокуранко, вспоминая ленинскую формулу «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», говорит с гордостью:

— Электр-МТС — будущее сельского хозяйства. И мы рады, что нам выпала честь быть пионерами этого великого починя.

Мы помним кровавое зарево пожара над Корсун-Шевченковским в дни войны. Сейчас город заливает радостным электрическим светом. В колхозных хатах сияют электрические лампы. Их неугаемый свет помогает лучше видеть прошлое, настоящее и будущее украинского народа, треста лет назад, счастливого связавшего свою долю с единокорным старшим братом своим — великим русским народом.

17 февраля 1944 года в районе Корсун-Шевченковского. Картина П. Кривоногова.

В СТЕПИ

Рассказ

1

Нас было трое: радист Алексей Баскаков, ветеринарный фельдшер Шаков Османов и я, заведуший красной уртой. Мы жили в урочище Бакалды. На сотни километров вокруг — несчастье барханы, поросшие жестким кустарником. В долинах, где летом буяно швели травы, а зимой стояли занесенные снегом скирды сена, жили колхозные животноводы. Вечерами в нашем домике, который все называли красной уртой, собирались чабаны и табунщики. Сниз мохнатые маалахи, они усаживались у приманика, пили чай, читали газеты, писали донесения, которые Алексей передавал по радио в правление колхозов. Когда метель не унималась по нескольку дней и заносила тропы в пещах, у нас подолгу никто не бывал. В эту пору в домике водцарялась тишина, изредка нарушаемая сухим потрескивающим приманика, возле которого орудовал Алексей. Усевшись верхом на скамейке и держа в руке переговорную трубку, он другой крутил ручку динамо и монотонно голосом вызвал:

— Город, город! Я Бакалды! Как слышите? Прием!

Город не отвечал, и тогда Алексей начинал ругать городских радиотов.

Мы жили дружно. По очереди мыли лошадей, ходили рубить кустарник, топили печь, готовили обед. Если кто-нибудь из нас отправлялся к отарам, то брал лучшую лошадь и надевал шубу Шакина на льезым меху. Мы так сдружились, что каждый из нас, уезжая по делам в город или в районы, вскоре начинала скучать по Бакалду. Честное слово, во всех Муун-Кумах не было никого дружнее нас.

Однажды мы с Шаковым до полуночи сидели, подбирая книжки для переписки с близкими. Утром я должен был ехать к отарам. На рассвете меня разбудил Алексей и сказал:

— К нам присылают фельдшера. Тебе, Идрис, придется ехать за ним, потому что самодетс недолго три ходить не будут. Седлай коня, бери моего Казбека в повод и отправляйся.

— Фельдшера, говоришь?.. Хорошо, — отозвался со своей кровати Шаков. — Нашего полку пришло. Как зовут?

— Остапчук. Видимо, украинец.

Я быстро собрался, оседлаю коня и отправился в путь. Накануне выпал глубокий снег, и в районный центр я добрался только на второй день. Помня наказ Алексея не задерживаться, сразу же поехал в райздрав. В коридоре меня остановила девушка в вязаной шапочке и коротком пальто, из-под которого виднелись зеленые льняные брюки, заправленные в боты.

— Вы не из Муун-Кумах? — спросила она с надеждой в голосе.

Я кивнул утвердительно.

— Вот хорошо! — обрадовалась девушка. — Заждалася совсем. Меня зовут Лена Остапчук.

Ей было, наверное, лет двадцать. Я смотрел на нее свежее, с мягкими чертами лица, и на сердце делалось бесприщипно весело, как это бывает при виде весеной, от края до края цветущей степи.

Когда мы вышли на улицу, направляясь к конюшни, она ахнула:

— Ой, какие кони! На каком я поеду?

Я показал на Казбека и спросил:

— А вы ездили когда-нибудь верхом?

— Нет, но я не боюсь. Меня все звери любят.

Придерживая поводья, я помог ей сесть в седло. Казбек косил горячим газом. Девушка, еще не поставив ноги в стремя, потянула поводья. Жеребенок, почувствовав на себе несвойственного седока, рванулся с места. Не успев я рта раскрыть, как комья снега брызнули из-под копыт. Вскочив на Сокола, я помчался следом. Догоняя и вижу: выпившись в гриву, девушка уже поставила ноги в стремя, лицо у нее багднее, на глазах слезы, а сама смеется. Тут она мне еще больше понравилась. Молодец, не растерялась!

Мы ехали без отдыха почти целый день: надо было до темноты добраться в урочище Кадры. Там можно устроиться на ночлег. По дороге Лена распрашивала о нашем урочище, о ребятах, о чабанах.

К вечеру пошел крупный снег. Быстро надвигалась темнота. В урочище мы приехали, когда в пяти шагах уже ничего не было видно. Но отар здесь не оказалось: они ушли на новые пастбища.

— Как же нам быть? — спросила Лена, растирая затекшие колени.

— Ночевать придется.

— А спать прямо на земле?

— Ну, конечно.

Наломав кустарника, я развел в затише полуразвалившиеся кошары огонь. Ветер стих, костер горел ровным ярким пламенем. Лена сидела у огня, молчаливая, уставая. У самого костра я растелем для нее льезым шубу Шакина. Девушка улеглась и закрыла глаза. Боюсь, что она озянет, я все сидел и подкалывал ветки в огонь. Вдугут Лена подняла голову и сказала:

— Идрис, вы бывали в Алама-Ате?.. Нет!.. Какой красивый город! Идешь по улицам — как в парке. Под ногами асфальт плавится от жары, а глянень на горы — снег сверкает совсем рядом, рукой подать. Хорошо в Алама-Ате!..

Она замолчала, глядя широко открытыми глазами на пламя костра.

— У нас тут тоже хорошо, — сказала я. — Конечно, трудновато нам будет...

— Трудновато!.. Она умянулась. — Когда я решила ехать в пещи, шла в техникум и думала: никому пока не скажу, а то еще начнут отговаривать. Но девчата сами решили ехать — кто в Тургай, кто в Бетпак-Длау. Мы все группой уговорились ехать туда, где труднее.

Потом она спросила, почему урочище называется Кадры, и я стал объяснять ей, что Кадры — это имя чабана из колхоза «Победа». Два года тому назад в буран он отсыкал обшившемуся от отары сотню овец и привел их на это место к заброшенной кошаре. Он не спал трое суток, но овец спас. Только немного обморозил руки, когда доставал для них воду из колодца. С тех пор и стали называть урочище именем Кадры.

Увелившись рассказом, я не заметил, как Лена уснула. Тихо, боясь разбудить девушку, я пригнул по другую сторону костра, но долго не мог сомкнуть глаза. Редкие снежинки падали на лицо, таяли, а я не смея пошевелиться, только украдкой поглядывал на девушку.

Утром мы несколько позавтракали и отправились в путь.

Вот и наш домок с антеннами. У конюшни конь Шакина. Значит, все дома. Лена первой соскочила с седла. В дверях пошла звать Шаков. — В рубашке, без шапки. Отропеемо взлзгуну в нашу сторону, крикнул.

назад. Я дернул обмерзшую дверь и пропихнул Лену вперед. Из-за ее плеча увидел удивленное и растерянное лицо Алексея. Шакен ятился к двери, ведущей в другую комнату. Я знал, он боится поворачиваться спиной, потому что у него порванные брюки. А Лена, будто ничего не замечая, ушла с порога весело заговорила: — Ой, как у вас хорошо, тепло! Здравствуйтесь. И даже ружья есть! А ковер какой красивый!

Спустя некоторое время Шакен вызвал меня на улицу и попросил: — Дай мне, пожалуйста, твои брюки, те, синие.

И выдохнул и пошел доставать чемодан. Так наступил конец нашему спокойному житью в Баканасе.

2

Прошло несколько дней. На первый взгляд, в домике у нас ничего не изменилось. Мы попрежнему занимались каждый своим делом. Но только теперь никто из нас уже не встал в отары, как раньше. У всех вдруг обнаружилось уйма дела на месте. Каждый старался сделать что-то полезное. Шакен, приняв участие новому фальшдур, Шакен ухитрился на утку, и мы, украдкой от нас, мы для Лены какие-то лузырчи и бутылки, я сколачивал полочку для книг. И даже Алексей, обычно все свободное время проводил у приемника, тоже старался чаще попадаться на глаза Лене.

Когда же мы собирались где-нибудь втроем, о Лене упоминали как бы между прочим, словно для нас она не представляла особой интереса. Однако Алексей теперь брнлся каждое утро, уверяя, будто это — старое морское правило, от которого он не может отказаться. Шакен на ночь подкапывала под матрац брюки, чтобы содрать их, безукоризненно складая. Да и я — нечего греха таить! — каждый день надевал синий свитер с белыми оленями на груди — предмет постоянной зависти ребят. А девушка будто ничего этого не замечала, со всеми держалась равно, шутила, смеялась.

Наступили тихие морозные дни, к нам стали часто заезжать чабаны и табунщики. В домике было многолюдно. Лена всем очень нравилась. Она была одинаково внимательна к каждому, кто бы к ней ни обратился. Я видел однажды, как на прием к ней пришла заведующий фермой из «Энбека» и долго-долго говорила о том, что год назад у него колынуло в груди. Боль не повторялась, но жена настаивала, чтобы он пожегся вранчу. Лена смотрела на своего пациента добрыми синими глазами и с мягкой улыбкой слушала, не перебивая.

Лена часто выезжала в отары, проводила беседы с чабанами.

Возвращалась радостная, оживленная и подробно рассказывала нам о своих поездках.

Однажды я ездил по отарам несколько дней. Выдавал книжки, помогал вытискать «Победу» листовки, читал вслух газеты. Меня расспрашивали о многом: что происходит сейчас в Германии, каково положение в Индо-Китае, как идут дела на стройках гидроэлектростанций, — а на прощание в каждой отаре непременно просили передать привет «доктору». Во время этих поездок и встретил Лену в урочище колодза «Победа». Она приехала сюда по срочному вызову: чабан Каддыр Хасенов, облезающий лошадей, упал и разбил голову.

— Вы знаете Хасенова? — спросила Лена.

Я хорошо знал Каддыра: ему двадцать лет, он высок ростом, ловок в движениях, лицо у него смуглое, обветренное; когда он улыбается, ослепительно белеют ровные, красивые зубы. Только смеется Каддыр не часто; у него привычка хмурить брови, словно он отнесается лишней раз улыбнуться, чтобы люди не заметили, что он так молод. Что я мог сказать о нем Лене? На ее вопрос я ответил довод о супруге Каддыра — лучший вездник и опытный чабан.

Боальной лежал в углу на коврике. В комнате было полутемно, и мне сразу бросилась в глаза толстая белая повязка Каддыра. Я громко поздоровался, но Лена одернула меня:

— Тихо, он спит.

— Когда зажат амуну, я присмотрелся к Каддыру. Лицо его побледнело, брови стали как будто еще шире и чернее. Он, видимо, от боли скрипел зубами.

Изумившись, Каддыр виновато спросил:

— Я, наверное, стонал, доктор?

— Нет, — ответила Лена, легким прикосновением маленькой руки поправив бровь.

— Это хорошо, — слабо улыбнулся Каддыр.

Мне пришлось заочевать в этом урочище. Ночью сквозь сон я слышал, как снова бредил Каддыр, а Лена успокаивала его.

Через два дня Каддыру стало лучше, и мы с Леной уехали. Вся дорога мне пришлось сидеть за ней, потому что от усталости она засыпала в седле.

Каддыр приехал к нам недалеко спустя, осунувшийся, но веселый. Из-под малявки выглядывали бинт.

Лена всплеснула руками:

— Что же вы делаете? Вам еще лежать надо!

— Ничего, доктор, я железный, — улыбнулся Каддыр, — и работы много.

Он пришел в комнату к Шакену. У них свои секреты: пишут письма уединенно в своих опытах травосеяния в песках. Результаты этих опытов пока не совсем удовлетворительны. Алексей часто пошмеивается: «Ахдоминки». Каддыр в таких случаях хмурит брови и молчит, как человек, вполне уверенный в своей правоте, а Шакен доказывает Алексею, что в песках могут расти хорошие травы.

Через несколько дней у нас было комсомольское собрание. Обсуждался вопрос о работе агитаторов. Алексей говорил о том, что мы, бывая в отарах, все-таки редко проводим беседы и читки газет. Я выступил и сказал, что все это правильно, но и Алексей как секретарь не подает нам примера: за последний месяц читки не был. Я сел и увидел, что Алексей покраснел: ведь это из-за Лены он никогда не выезжал.

Когда собрание уже подходило к концу, поднялся Каддыр.

— Я вот о чем хотел сказать, — начал он. — К нам в урочище приехали ребята из МТС — будут помогать электростанцию строить. Один из них рассказывал мне, как они, когда работали на заводе, применяли метод инженера Ковалева на своем предприятии. Об этом еще в газете писали, помните? И я подумал: а что, если и нам так сделать?

— Опыт животноводов обобщать? — спросил Алексей.

— Вот-вот! Жалко, что зоотехника нашего тут нет. Посоветовался бы. Позвоните, у нас много старых опытных чабанов, табунщиков. Один знает, как лучше выбирать ластбища, другой — как за овнами ухаживать. Вот все бы это записали! Помните?

— Понятно, но звучит как-то странно — метод инженера Ковалева в животноводстве!

— Что ты, Алексей! Вот увидишь, сколько пользы для чабанов и табунщиков будет — восхитилась Каддыр.

Мы согласились на решение пункт о внедрении метода инженера Ковалева в животноводстве.

Кончилась истре. Я, Шакен и Каддыр перелестывали в уголке новый пенсник. Алексей и Лена о чем-то разговаривали, склонившись над приемником. Каддыр часто поглядывал на них. «Еще один на удочку попался», — решила я.

3

Два месяца минуло с того дня, как и нам, в Баканас, приехала Лена, но, несмотря на все наши ухаживания, девушка относилась ко всем одинаково. Мы работали, уезжали к отарам и возвращались, и каждый из нас ревниво следила за товарищем: не ему ли понастандилось быть избранныком нашего «доктора»?

— Ну и девушка, — смеялся Каддыр, — поссорится вы из-за нее!

— Ты бы уж помогал: сам, наверно, издмнулся по ней, — проворчал Шакен.

— Она даже не смотрит на меня, — улыбнулся Каддыр.

Утром Лена уехала в урочище Когоауды приравтом ухе. Она надела дубяный полушубок Алексея, теплую шапку, захвативла брезентовую сумку с медикаментами.

— Остается бы ты лучше дома, — озбоченно сказала Алексеев, помогая ей взобраться в селцо. — До урочки тропа плохая, а погода портится.

Лена посмотрела на небо и весело сказала:

— Не будет бурана. Твой прогноз, как всегда, обманывает.

Она тронула коня рысью и, обернувшись, крикнула:

— До свидания!

У нас в пещках погода переменчива. С утра тихо, а к обеду неожиданно поднимается метель, да такая, что света белого не видно. Так случилось и на этот раз. Неожиданно стемнело, ударила в стекла резкий порыв ветра, надсадно загудело в трубе.

Буран — поднял голову Алексеев и снова напустил. — Вот так дела...

Мы вышли на улицу. Ветер кружил туши колющего снега, завывал в проходах над крышей, рвал полы полушубков. Алексеев, словно оправдываясь, проговорил:

— Хорошо еще, что Лена на Казбеке оказалась, — с ним не прощались.

В такой буран и Казбек заблудится, — сказала я. — Надо ехать. Она километрах в десяти отсюда.

Буран как будто стал еще сильнее. Ветер с шипением взвизгивал снег на вершинах барханов. Мы старались держаться у их подножия, но ту ветр вернул таксо воронки, что кони мотали головами и пятислись.

Первым ехал Шакин. Он лучше нас знал пещки. Мы часто останавливали коней и кричали: «Але-е-е-е-е-е!». С минуту прислушивались, но, кроме вола ветра, ничего не было слышно.

Прошло часа три. Ветер стал понемногу утихать, снег падал все реже и наконец почти совсем прекратился. Только на вершинах барханов все еще крулилась поземка.

Мы проехали уже километров тринадцать и вдруг увидели следы, слегка запрошенные снегом, — неважно тут кто-то проехал на лошади.

А ведь это не Казбек шел, — заметил Алексеев. — У него правая задняя не подкована, а тут все подкованы.

— Где же Лена? — озабоченно спросил Шакин. — Другой тропой она не могла поехать.

— Может, она была тут еще до бурана? — предположил я.

Мы проехали еще немного и у подножия большого бархана увидели утоптаный компотный снег. Рядом — следы лошадиных копыт. Мы сразу узнали их. Видно, она съезжала с соды.

След, по которому мы шли до сих пор, вел как раз к этому месту. Дальше гнилушь уже два следа.

— Один след — Лены, а другой чей? — спросил Алексеев, отгнав снег с выбивших из-под шинк полоз.

Мы взбирались на бархан, как вдруг Алексеев наткнулся поводья и огромно вскрикнул:

— Ребята, смотрите!

Блестящий человек в длинном тулупе с пыльным алым воротником вел коня на поводу, рядом шла Лена. Мы молча смотрели им вслед. Ветер гнал по небу туши, шипела поземка. Те двое впередии стояли вместе. Мужичина стоял к нам спиной. Она повернулась к нему, что-то сказала. Он обнял ее за плечи и наклонился к ее лицу. В ту же минуту в пролет между тушами выманило солнце. Лена отстранилась от своего спутника, повернулась к солнцу и зашепталась. Мужичина тоже повернулся к солнцу, и мы узнали Кадра Хасенова.

Мы повернули коней обратно. Ехали и вспоминали, как вглядывали по ночам, как никому не хотелось уезжать от Лены и многого другого, что тогда казалось значительным, а теперь просто смехотворным.

Я ехала последней и думала: совсем прощай парень — Кадыр, и нельзя сказать, что красивый, а такая девушка его подбила!

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

ОБЩЕЖИТИЕ № 3

Вера Новикова, смуглая девушка с курчавыми непокорными волосами, вышла из проходных ворот комбината и зашла на дороге к рабочей поселок.

Вчера на комсомольском бюро зашел разговор о Сергее Кисине, завращившем ткацкого цеха. Сергей перестал заниматься в вечерней школе, а образование у него — всего четыре класса. «Надо вызвать Кисина на бюро», — требовала секретарь комсомольской организации Клава Зайкина. — Самой большой процент отчета уличили на вшей фабрике. Что в райкоме скажут?» Зайкину тревожили только проценты и мнение начальства, а Вера задумалась: почему Кисин, такой бойкий и любознательный парень, не захочет больше учиться? Она сказала, что прежде, чем вызвать на бюро, надо пожать, все выяснить, узнать, в каких условиях Кисина живет.

Это и привело ее в поселок. На широких немопешных улицах стояли каменные и деревянные дома. Улицы еще не были огорожены. Кое-где виднелись отрезанные, замедленные тонкие деревья. От проезжающих грузовиков поднималась пыль. Вера вошла в подъезд обширного приземистого здания объекта № 3. Дом делился на две половины. В первом его этаже жили молодые семьи, доживавшие общеплановую администрацию квартал. Оттуда доносились детский визг. Мест в яслях и детских садах не хватало. Холостые рабочие парни, для которых, собственно, и предназначалось общежитие, занимали всего лишь три комнаты в правом крыле.

Приход Веры неслыханно удивил Сергея Кисина. Он лежал в брочках и тапочках на койке: отдыхал после ночной смены. Кроме него и спящего с подушкой на голове мускулистого парня, издававшего богатырский храп, в комнате никого не было.

— Опять обследование? — поинтересовался молодой завращик. — Фабком обследовал. Ты райкотева приходишь. Акты составляешь... Что там?

Вера поглядела на пыльный от сырости потолок, на сложенные из необструганных досок скамейки, заменявшие стулья, на грязноватую, сползающую со стола скатерть и вдохнула:

— Как у вас некультурно, ребята! Летом ещеничего — Кисин сел на койке и все еще недоевчерно, но уже с интересом посмотрел на Новиково. — Ты бы зимой зашла. Тут ведь не только ткачи, тут и строители живут. Вот тот парень, — он показал на храпещего соседа, — со стробки жёлгородки. Придут с работы, мокрые. Где сушиться? Натягивают от стенки к стенке веревки, развешивают ватники, фуфайки. Дыши, занимайся! Шкафов нет. Высушат одежду — и под кровать. Тумбочек тоже нет. Где вынуть арпач? Просили хоть этажерку на комнату.

В жилищно-коммунальном отделе: «Не предусматривали правилами оборудования общежитий». Пожаковались в фабком. «Приходите завтра, все решим». Так до сих пор в решают. А вспоминать — ругаться. Иждивенческие, говорят, у вас настроены.

— Какие?

— Иждивенческие.

— А что это значит? — Вроде паритаты мы, что ли... Думаешь, товарищ Новиково, легко было мне школу бросить? Но нет никакой возможности. Вот у вас, у девчат, и красивый уголочек и учебная комната. А у нас там семейные живут.

— Белье где стирать? — участливо спросила Вера.

— Кто где... Кому — девушка знакома, кому — бабка или тетка. Нашему брату, одиночку, плохо.

— Женишься не собираешься? — полюбопытствовала Вера.

— Зачем торопиться? Я если женюсь, так на всю жизнь, — степенно ответил Сергей. — Я хорошую воюму.

— А сам школу бросил... Так ведь хороша за тебя и не пойдёт.

— Ну, и не надо. Так прожужжи!

— Все-таки с осени возвращаюсь в школу. А насчет бытовых условий даю тебе слово, Серезка, уладим.

***

Клава Зайкина, входив в комнату комсомольского бюро, всегда с гордостью оглядывалась вокруг. Ничего не скажешь, образцовый порядок. И порядок этот установила она, Клава! Раньше, до Клавы, секретарем комсомоль-

своей организации ткацкой фабрики была Соня Козлова. Теперь же выдвинул секретарем комитета ВЛКСМ своего кандидата. Союзу все знают: шумная, бесоватая, Соня разрешала курить в комнате. На ее секретарском столе лежали стальные газеты. Зимой в комсомольское бюро прямо с улицы вываливались лыжные коньки, что вернувшись с прогулки, и пытались мокрыми подошвами пол.

Теперь пол блестит чистотой. На окнах висели занавески. Под столик брошюр на полках этакими бы подолстали затейливо вырезанные бумажные салфетки.

Сумела Клава выхолостить для бюро кожаный диван. А простой канцелярский стол сменила на солидный, отделанный под орех, с вместительными ящиками, и симметрично расставила на нем прекрасный прибор, откидной календарь, пластмассовые бокалы с перьями и карандашами.

— Культурно! — похвалила Клаву приехавший из райкома инструктор.

Полста часа — полтора пачки с аккуратно завязанными тетесками, инструктор пошутил. Редко открывалась дверь комсомольского бюро, редко заглядывали сюда молодые люди. Даже телефонный звонок не нарушал тишины этой комнаты.

— Где же народ? — спрашивал инструктор, собиравшийся провести на стыке смен беседу с активистами.

— Тысячу раз им напоминала, чтобы приходили, — оправдывалась Зайкина. При этом лицо ее принимало обожжено-страдальческое выражение.

Никто никогда не слышал от Зайкиной ничего хорошего о ее товарищах и подругах. Членов бюро она обвиняла в «бездельности», группиров — в «верные меркантилизм». Большинство рабочих парней в ее представлении были хулиганами, а девушек из общественной она подозревала в «честичном поведении».

Год назад Зайкина окончила педагогическое училище в Копеевке. Направили ее в одну из мужских школ Иваново. Озорные шестиклассники затерли новую учительницу в классе, а сами ударили с урока. Зайкина в слезах являлась в город и потренировалась, чтобы ее немедленно перевели в женскую школу. «Да вы попробуйте поработать», — уговаривали Зайкину. — Класс трудный, мы знаем, но вам помогут. Она отказалась наотрез. Вакантных мест в женских школах не было, и Зайкину пришлось временно остаться в резерве.

Как раз в эти дни Соня Козлова была избрана секретарем комбинатской организации ВЛКСМ.

Кто-то порекомендовал Зайкину в комсомольское бюро ткацкой фабрики: «Культурная девушка, с образованием...»

Первая же встреча с фабричной молодежью испугала Зайкину. Она являлась на трибуне фабричной комсомольской конференции, обсуждавшей вопросы со всех концов ала. Пришлось долго объяснять молодым ткачам, почему осталась преподавание в школе.

Поручение ей дело Клава повела как службу и с первых же дней проявила большое служебное рвение. Разработана подробный план работы с десятками пупков и подпунктов, наладилась связь со школой рабочей молодежи и еженедельно составляла сводку, как ученики посещают занятия, как успевают.

Однако дела у Зайкиной что-то не клеились. Активисты на заседаниях собирались туго, посетки. К Клаве не шли ни за советом, ни за помощью. Боевая, инициативная организация комсомолов ткацкой фабрики постепенно утрачивала свою былую славу.

Вера рассказала секретарио комсомольского бюро, в каком состоянии находится обшекетер № 4 «Бесобразные и Бесобразные» — трюмо вожделю Зайкиной. Но когда Вера упомянула о том, что надо потребовать от жилищно-коммунального отдела, чтобы были приняты строгие меры, Зайкина стала морщиться:

— Требовать мы не можем. Учти, что у наших ребят есть нездоровые, иждивенческие настроения.

— Плохо живут ребята! — с сердцем бросила Вера. — Сходи сама, убедись...

— Разрывать не могу!
Клава взялась перебирать бумажки на столе,

звонить по телефону. Вера, не попрощавшись, вышла в коридор, несколько минут постояла в раздумьи: «С кем же асе-таки поговорить?» Поуду к Соне Козловой... Она помет...

Но Вера ждало новое разочарование. В комитете ВЛКСМ было пусто, уборщицы выносили стулья и подметали пол. Только что омылся совещание, и Соня уехала в райком.

Вера спустилась вниз по широкой шумной лестнице и у подъезда вдруг заметила директора комбината Константина Васильевича Коростелева.

Директор провожал незнакомого человека в светлосером костюме. Незнакомец усаживался в машину.

— Позовно в понедельник, — говорил он на прощание, — уже в Москве.

— Хорошо, Виктор Михайлович.

— И буди звонить каждый день, пока не освоите новую ткань!

Машина отъехала. Директор повернулся, и Вера прямо перед собой увидела его широкое простое лицо с седыми висками. С неожиданной для себя решимостью Вера проговорила:

— Товарищ директор, у меня в вам дело.

Спокойный мягкий голос ответил:

— Если по личному вопросу, то прошу в среду.

— Нет, я не по личному.

Директор вытаскил большой клетчатый плакат, вытер им лицо и шею. Вероятно, весь день водил прижигать по цехам, очень устал. Вера уже хотела извиниться и отойти в сторону, но директор спросил:

— Ваша фамилия, кажется, Новикова?

— Какой он памятный!... — удивилась Вера. — Ведь только раз разговаривали в цехе.

— Да, я Новикова.

— Что ж, войдите, потолкуем.

***

Немало людей на комбинате считали Коростелева человеком с бюрократическими замашками. Все, мол, у директора расписано по дням, часам и минутам. В понедельник жи

главное: чтобы наша молодежь жила в хороших условиях, могла заниматься, отдыхать.

Директору Летуновский не возражал, а только повторил: «Я, конечно», «безусловно», «семо собой разумеется». Молча, поджав губы, выслушал начальник жилищно-коммунального отдела распоряжение директора — в двухнедельный срок отремонтировать здание и оборудовать общежитие № 3 всем необходимым.

Как только за Летуновским закрылась дверь, Вера поднялась с кресла.

— Комсомольское спасибо вам, Константин Васильевич!

— Ругать нас надо, а не благодарить. Жалко, что раньше не сообщили.— Директор помянул, добавил: — А с красным уголком придется немного подождать. Куда семейных посылить?

Вера вспомнила кухню, гризноватый коридор, где на пригнутых веревках сушились десюде грубонки...

— Надо, чтобы вы, молодежи, знали действительное положение с жильем,— говорил директор.— Сразу всех удовлетворить невозможно. Вот будем к Октябрьским праздникам заселять пятиэтажный дом, туда и переведем семейных, освободим красную уголок.

— Так в скажу ребятам,— обрадовалась Вера.

Коростелев протянул руку к заведенному телефону, и Новикова поторопилась выйти.

***

Плюю слушали Клаву Зайкину на комсомольском собрании. Ее монотонный голос прозвучал скучные, тяжелые слова:

— По линии производственного сектора охвачено мероприятиями... В разрешении вопроса качества продукции недостаточная активность молодежи является тормозом в деле...

И все в таком же духе: не отрывая глаз от странички, перевертанных на машинке, без паузы, не задерживаясь ни на одном факте, не разгибая ни одного вывода.

А в зале стоял глухой шум. Когда Клава наконец кончила, на сцену поднялась заряжличка Майя Приходько. Ее едва было видно из-за экрана — такого Майя маленького роста. Но не в пример секретарю бюро говорила она так просто и правдиво, что сразу ослалде вниманием зала.

— Зайкину в щеле мы совсем не видели. У нас были трудности, научились с этим новым сортом шпатель, а помощь от Зайкиной никакой!

Она, Майя, предложила, чтобы пол возле станков посыпали опилками. Для чего? Чтобы Штатсель ведь очень нежный: чуть намочить его или чуть запачкаешь — пини пропало.

А если пол будет посыпан опилками, тогда не так страшно: уронить невзначай початок — все равно не пропадет. Мастер сказал, что только придумали! После смелых комсомольщиц пошли на стройку, чтобы набрать мешок опилок.

— Нас оттуда прогнали... А знавтар товарищ Зайкина вызвала нас к себе и двинь шепю мылить. Вы такие-сиде, партизаншву разодать, мы за это у вас комсомольские билеты заберем. А разве мы для себя лично старались? — громко спросила Майя, повернувшись в сторону Зайкиной. — Может, что не так

сделали, так научи, ты ведь секретарь бюро!

Потом говорил Сергей Кисин. У ребят из общежития № 3 давно уже обиды на Зайкину. Глухой оставалась она из всех их жабками.

— Только вот Вера Новикова отнеслась по комсомольски. Добилась от дирекции... Да во всем слово, товарищи: учиться без пропуска, работать без брака!

Все смелый и гордый звучали голоса: — Смотрите, из Кулаевской фабрики уже все молодежь учится. А почему мы не можем?

— Меньше бы ты, товарищ Зайкина, хвастался, а больше бы дело делала!

— Делегации к нам едут из Албании, из Польши, из Китая. Нельзя нам плохо работать!

— Как девушка выдлет замуж, так ее организация забывает. Неправильно это!

— Некультурности еще много... Посмотрите, что делается на типичнейшие. Танцует пареня с девушкой, а сам в келье и с шампророй в зубах. Почему комсомол не обращает внимания?

— В самостоятельности все один и те же люди, прямо артисты какие-то, новых не привлекут.

— Зайкина сказала: «Дам тебе нагрукру». Дай мне работу по душе, а не «нагрукру»!

Поблудившая, с опущенной головой, выслушавшая все это Клава Зайкина. Поимыла ли она, что этот день был критическим в ее судьбе, судье возможна молодежи?

— Зайкина сказала: «Дам тебе нагрукру». Дай мне работу по душе, а не «нагрукру»!

Поблудившая, с опущенной головой, выслушавшая все это Клава Зайкина. Поимыла ли она, что этот день был критическим в ее судьбе, судье возможна молодежи? Поимыла ли, что только настоящей близостью к коллективу, только огнем и щедростью сердца, только честным осуждением собственных чиновничьих поводов может она добиться доверия молодежи?

Рисунки Т. Осиповой.

Валентин РЫБИН

Огни в пустыне

ВЕЧЕР В АУЛЕ

НОЧЬ НА АМУ-ДАРЬЕ

Вечер. Птицы открячкали. У большой Аму-реки, к камышам браки причудливы, варят ужин рыбаки. Огонек костра устало языками шевелит... Вот донесся плач шиваака, жаждет пес к костру, скулят. Петухи поют в адуке... Полночь. Воздух невесом. Пес хозяев караулит, снится им пудовый сом. Тонкий месяц с неба светит. Ночь пройдет, и в ранний час рыбаки поднимут сети, хлынет рыба на барак.

НАДПИСЬ

В Чуленском уезде, где ветер поет и жметса кустарник к земле, ты вырубил имя свое и мое на верой отнесенной скале. Как вечная дружба, рожденная тут, останется надлеж твою. Ее не однажды потомки прочтут: «Курбан и Владимир, друзья».

Ты слышишь, в авдони захлопна движок?

Похлопна, похлопна — и вдруг ауа огоньки золотые зажег. Звукат догорел и потух. Стуглилась вечерняя тыма дочерна, дымки потянулись из труб.

Играют дутары, шумит чайхана, трещит передвижко кауб. В просторной чатальне уют и покой: за книгой сидят агроном, склонившись над шахматной шестрой доской в молчании врач с чабаном. Спят из кино по домам детвора, ауа же уснуто, не спит. Разноцвет по улице громкий «Ураль» веселые песня бахши.

АВТОГЕНЩИК

С утра поют электромой, нахучит ще ножами взрзав, сбивают патнички строина, а он огнем кроит железо. В руке шток.

В его окошце он смотрит, весь уйдя в работу, и озарют брызги солища лицо, покрывшееся потом.

НЕБИТ-ДАГ

Когда-то горная тоска над глинобитными домами ходила тучами песка по закаснейской глухомани. Пусть, надрыная голоса, выжигт самум без передышки... Ведь здесь подгорам небеса плечами нефтяные вышки, Ашхабад.

М. Костин.

У переправы.

Город Киев. В сквере возле Государственного университета.

Фото В. Игнатовича.

Б. ВАДЕЦКИЙ

У КОБЗАРЕЙ

«Украина — обетованная земля моего сердца».
Галичина.

По деревням проносил слух, будто приезжий музыкант выкушает у помещиков пениш и везе их самому царю, в столицу. Старший в музыкантском цехе Остап Вересай не поверил это, решил, что, должно быть, какой-нибудь досужий помещицк хлопочет о своем театре. Однако вскоре на кобзарный гурт, где жил Вересай, потянулись со всех сторон слепцы-лирички.

В кобзарный гурт веда со шляха ровная дорожка, густо обсаженная кустами акации, чтобы слепцы не сбивались с пути. Старые, врытые в землю опоры поддерживали со всех сторон ветхую хату Вересая. На крыльце висела икона, прикрытая вышитым полотенцем, возле нее — ящик с дорожным достоянием слепцов и поводырей — сумками, копейками. Казалось, не подолжили эту хату потому, что кто-то задается целью проехать, да кто она простоят. Зато в хате было уютно и весело: всюду чистые ситиные занавесочки, на стенах поблескивают зеркала, белеют макитры на выскобленных лавах. Уля, черночка, статная жена Вересая, встречала гостей, потупив взгляд, будто стыдась своей красоты. Ленты волос падали ей на спину и плечи, нитка кораллов украшала шею. А когда она поднимала глаза, все удивлялись, сколько в них из глубины сердца идущего света.

— Входите же! — говорила она певуче, и слепцы молча совали ей в руки свои пакли и сумки. Они знали, что Уля каждого примет, накормит и поведет к Вересая. Так повелось с давних пор.

Из комнаты доносился голос Вересая. Старик, чуть слышно перебирая пальцами по струнам кобыли, пел, точно бросал кому-то вызов. Обычно спокойное лицо его с остановившимся взглядом бесцветных незрячих глаз было сейчас хмуро.

— Это ты, Фелько? — окликнул он одного из гостей, прежде чем Уля подвела того к нему. По неровному, прерывистому шагу он догадался, кто из старых его товарищей пришел в дом. — И тебе ныне покой нет. Может, и ты собираешься к петербургскому музыканту?

Вскоре гости чьи-то сидели за столом, сложили на груди руки, — все белочины, строгие, с волосами, подстриженными в скобку, в стареньких свитках, будто школяры, собравшиеся возле учителя. А те, что действительно ходил в школярах, зрячие и молодые, держались в отдалении, смущенно поглядывая на Улю.

— Цеху музыкантскому житья нет, — глухо говорил Остап Вересай. — Пади давно куштинские, гарбарские и пахатские цехи. Нине для помещицки играть станет? А права наши паном судей позabyты. Управляющий недваго человека своего ко мне прислал, князь-де сердит: какой-то музыкантский цех кроме его княжеской труппы объявился в селе. Не лучше ли слепцам, чем на дорогах петь, выучит какие-нибудь роли и в пещах играть?

— Остап дернул себя за ус и с минуту помолчал.
— Князь до того дела нет, — продолжал он, — что ныне кобзарь — один в селе воин. Немало деревенских за бунт сослано! Для князя убогие мы да ищите... Оно и лучше. Что с вашего спросишь? — едко усмехнулся он. — Но? кто будет петь о старине, ебли кобзарь вместе с псалмики холопями играть станет? Кому в новинку псалмий театр? — возвысил он голос. — А вы подальше на павсюку зменяту ласку. К столичному музыканту потягуно, в царских хорах петь!

В голосе Вересая было столько горькой надежды, что слепцы долго не решались возражать.

— Музыкант из Петербурга любит наши песни, — осторожно произнес

кто-то. — Нужи царю наши песни! — слова поморщился Остап и спросил небрежно: — Богат музыкант-то? Собою видный, слуг много с ним? От царя бедней не явится!

— Не богат, собою скромен, а поет — заслушаешься! — ответил Фелько.

И кто-то из стариков обронил:

— Божий он человек! Тихий.

— Говорят, — продолжал Фелько, — будто сам он сочинил музыкальную драму про русского мужика, что спас царя и обманул супостатов.

— Ишь ты! — противил Остап недоверчиво. — Поверить вам, так не царь, а Гонт да Железняк того музыканта должны были слушать. И чего только не придумают в народе!

— Право же, Остап, не врут люди!

Фелько, боясь обидеть Вересая, промолвил:

— Ты старший, нам тебя слушать. Только не обидеть бы зря человека. Вверя опять говорили мне, будто сызвает он к себе кобзарей. Из самой Киевщины они идут к нему.

Уля молчала. Спор занимал ее, но здесь, при людях, она во всем держала сторону мужа. Посторонний мог бы подумать, что присутствие слепцов ничем ее не стесняет. Но для Ули все они были «зрячими». Долгая жизнь со слепыми сделала ее чуткой к самым сокровенным помыслам их. Для нее и для Остапа они были воинами, ратниками невнятного в мире ополчения песенников. Она гордилась мужем и как-то случайно сказала ему: «Ты войсковой хорунжий; со всей губернии слыше казаки в твоём полку». Он усмехнулся, но промолчал. В народе давно уже называли кобзарей воинами, не Уле принадлежало это сравнение. И жили кобзарь кошом. Обычая музыкантского цеха соблюдался всеми. Не она ли, Уля, принимала от слепцов медные пятаки в отчисление на нужды цеха? Не ее ли называл Остап при людях слепецким посарбием I. Она заметила, как нехотя согласился все с Вересаем и больше не заговаривала о музыканте. Но, видимо, эта уступчивость, кобзарей породила у Остапа сомнение в собственной правоте.

— Уля! — неожиданно воскликнул он, подымаясь со скамьи. — Подавай салоти да чистую свитку!

Потом, обратившись к гостям, сказал тоном примирения:

— Подбуди-ка я сам того музыканта проведаю!

— И то правди! — поддакнул Фелько. — Долго ли ходить будешь?

Ждать ли тебя?
— Как бог даст. Уля беретает! — строго наказал Вересай, подавая руку жене. Уля повела его переодеться за ситиною занавеску, где над застланной солдатским одеялом кроватью висела рядом с дедовской саблей вышитая ею праздничная белая рубаха.

Часом позже Вересай играл бред по шляху тем нетрадиционным шагом, благодаря которому сохранял силу привычные к странствиям кобзаря. Рядом, подлая умовающе косами голову, неслышно струила Уля, жена, его поводырь, дорожная лукавница, как называли ее в усадьбах, обаянная не сказать ничего лишнего и обо всем разведать. Ведь она веда Остапа Вересая, кобзарного хорунжего, которого слушали в Киеве, в ученьях домах и на полковых сборах.

Уля старалась мысленно представить себе петербургского музыканта, человека, который, по словам кобзарей, был самым большим песенником в России. Ее интересовало, споет ли приезжий лучше Остапа.

Они свернули со шхля и вошли в небольшую деревню с покосившейся церковью. Верейка намеревался зайти к знакомому дячку. Он хотел попросить дячка прочесть ему листок, оставленный прохожим школьником.

Хаты, крытые по-польски, иконы, белены в темных, отгороженных палатках сидят. Так без труда нашла хату дячки Середы; возле нее стояли два слепца и тянули «Лазаря». То и дело прерывала пеню, они кланялись и спрашивали в один голос высушившегося из окна дячка:

- Здоровы ли будете?
- Здоровы,— басовито отвечал дячок.
- Не было ли тяжелых снов у вас?
- Не было.
- Не приходил ли во сне беглый монах за подаянием?
- Не приходил,— терпеливо отвечал дячок, не видя возможности набавиться от назойливых слепцов.

Остан, уйма их!— обрадовался он, заметив кобзаря.— Надоело так, что одному монаху сташься раз!

Верейка подошел ближе и, узнав слепцов по голому, отрывисто крикнул:

- Игнат, Федор,— брысь, бивось дети!

Уля смеялась, глядя, как, выживши за руки, слепцы заковыляли по дороге. Она знала, что не пройдет и месяца, как они появятся у них в хате. И, беззаботно вспоминая это свое посрамление, судят за горшок с кашей.

Худой и не по годам подвижный дячок за чашем долбоу ругал отцов-результов. Потом, надев очки в жестяной оправе, прочел поданный Остапом листок:

Перебежи старий, спийный —
Хто його не знае,
Ви усюди вистеятеся,
Та йа лобот граве.

— То ж про меня!— удивлено процитировал Остап.— Парубок с Кербельки писал. Теперь в Петербурге он, а жил у нашего Совгиря, у мучальника в Стрельбове, потом у художника в Тарасовке,— у того не жила хлопчиха. Со мной по своим кодам, мои песни слушал.

Листо его посылало, рука беспокойно потянулась к мешку, в котором лежала кобза. Несколько минут он раздумывал, пытаясь представить, какими стал теперь кервельский школяр, сочинивший стихи, потом резко поднялся и спросил дячка:

- О музыканте, который за певчими приехал, ничего не слышал?
- О пане Глинке, что ли, говорите? Здесь он,— подтвердил дячок,— в Качанове. Потоком чинповником сначала себя назвал. Понимаешь ли ты, Остап, какой он человек?
- Ни о чем больше не спрашивай, кобзарь сказал Уле:

— Веди к музыканту!
Дячок, показав Уле дорогу в Качановку, сказал на прощанье:
— В барский дом не идите. Пусть Остап сядет у ворот и заиграет. Может, музыкант сам к нему выйдет.

Сначала дорога шла лесом, а когда вошли в парк, Уля показала, что идет они по шхле, невдомом, а Глинка старался бы видеть исполненные черные гроты, каддыты искусственных прудов, окаймленные подстриженной травой. Чего только не сделали с землей ее отцов иноземные садники, привезенные сюда из Италии! Уля смутно помнила рассказы деревенских о том, как потребовал от них выделен Качановский Тарновский «уподобить эту землю Италии». Яблоку посылал он им какую-то картину, изображающую итальянскую виллу, и велел: «Сделайте по этому образцу». Тогда-то и появились здесь черные гроты и искусственные пруды, а на месте вишневых садов — апельсиновые рощицы, одинокие пальмы-недоростки.

Остан брал рядом с Улей.
— Хорошо ли тут?— изрекла спрашивал он, настроенно прислушиваясь.

- Птицы молчали, с пустынных озер тянуло холодок.
- По-барски... Как барину захотелось,— отвечала Уля.— Барская земля, не наша. Вот тополя подрублены у дороги, а с края растут ивнички — ни одна, ни пихта.

Это были кипарисы, недавно привезенные сюда из Крама.

Кобзарь поворачивал подветры его к знакомому дереву и ощущал ветки.

— Раз не ветки,— сказал он чуть слышно,— стало быть, приняла его земля, а значит, она, Уля, не панская.

Вечером они остановились отдохнуть в одной из деревень пана Тарновского. Желая выветлать, что за люди живут здесь, кобзарь записал самые богопротивные и ивничные песни, из тех, которых, которые не касались ни царя, ни помещиков.

От Харькова до Криворова,
Безду быди одинакова,
А кто быды не знае,
Нехай мене спитяе.

Ночевали на стogu под звездным, раскрывшимся во всю свою ширь небом, а когда рассвело и заблела дорога, тронулись дальше. Но тут Уля увидела, что ее один спешник к приезжему музыканту, а ворот помещицкой усадьбы и вдоль дороги расползлись кобзарь и лирички, прибившие с женами и детьми из дальних мест. Иных Остап знал, но больше было дешных, приглашенных самим паном Тарновским.

* * *

В стороне от помещицкого дома, в хате садничника, нашел себе приют Глинка Артемьевич. Рядом, вместе со слугами, жили под присмотром отставного солдата наивнучий панатор невинно-малодетки. В рубашке по пат, подпоясанный бечевой, робкие и словно все на одно лицо, они тянулись к дождю Гуляку, но не смели ему досажать. Они

проводили весь день в кустах, слеха за тем, как лениво бродит Гуляк по саду, и ожидал, не кинут ли их на барскую половину. Были видны отсюда старинные казачьи пушки возле парадного входа, похожие издали на сторожевые башни, и пустынная, обсаженная тополлями площадь возле барского дома.

О хлопчихах вспоминали только к вечеру, когда стадал ночь, и солдат выпускал их словно гусей из загонца. Пятались в рубахах, они опретью бежали по печаным дорожкам и представляли перед господами. Из оражера выходил Глинка. Он жил в ней и работал, поставив плавную тропку и фуксик. Появлялся Тарновский, сухощавый и зоркий курортник, в бархатных шараварах и в голубой жемчужной фуражке, лихо замахиваясь набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

Начиналась забава. Двум хлопчихам завывали глаза. Одному давали дудочку или трещотку, другому — длинный хмст. Первый должен был насовать, а кто трещать, а второй находить его по звуку и замахиваться набебрень. Следом за ним шли заспанный Маркевич в халате, чинный, всегда принарядженный Штерберг и барские домочадцы.

¹ Провинция дячка Губского, у которого учился Тарас Шевченко.

У Вересая дрогнули руки. На мгновение он замер, потом повернулся к Улю. Она поглядела его по руке и внятно произнесла певучим голосом: — Это пан Марквич говорит с тобой. Ты знаешь его, Остап, а с ним поменьше панок, может, и на самом деле Глинка...

— Спрашивай, Остап! — тихо сказала Глинка, садясь вместе с Марквичем на скамью. — Я о тебе слышала. Что ты хочешь обо мне знать? — Зачем, бари, приехал? Зачем людей от песен народных отращивать, от старин? — заговорил хмуро старик. — Разве мало в столице сноск слу?

Вересай был убежден, что разговор надо начинать только так. — Что ты, Остап! — искренне удивился Глинка. — Я ли народным песням враг? — Он вспомнил петербургские толки и, улыбувшись, добавил: — Про меня говорят, что кучерскую музыку завел, что в опере моей главный герой — мужик сиводлапый!

— А ты спой, бари, кучерскую-то, — недоверчиво протянул Остап. — Изволь! — согласился Глинка. — Мою ли тебе спеть или народную? — Вот бы кому «Сусанина» послушать, не правда ли, — бросил он Марквичу. — Только ты уж не выщи, Остап, я ведь музыку сочиняю, а петь другие лучше меня умеют.

— Спой про Сусанина, — сказал Остап. — Спой, и не нужно мне тебя спрашивать, какой ты есть! — Вы уж простите его, — шепнула Уля. — У него обчям такой. Для него все музыканты равны.

Необычность этой встречи радовала Глинка. «Право, перед Остапом неть ответнейше, чем перед царем», — подумал он и запел. «Ты взойдешь, мой царь...»

Мелодия захватывала Улю. Никогда она не была так взволнована. И казалось ей, что Сусанин, увидевший врагов в лес, чем-то походит на Остапа, словно оба они приносили себя в жертву, совершали один и тот же подвиг... Хорошо, мягко поет пан Глинка. Композитор казался ей необычайно кным и простым. Минутами ей не верилось, что он и есть Глинка. Какой же он противник ее мужу?

Когда Глинка кончил, Остап спросил уже другим, потеплевшим голосом:

— Бари, зачем ты Гулака взял к себе без нашего спроса?

— Да ведь архирейский он человек, из консистории! — не понял Михаил Иванович. — Нешто из кобзарей он?

— Нашего повету человек, — строго разъяснил Остап. — Бес с ней, с консисторией-то. В нашем музыкантском цехе человек зачислен. И песни поет наши. Должен ты свечу в церква поставить и плату за Гулака в цех внести!

— Внесу! — согласился Глинка. — Ну, а как же, Остап, пенье мое? Может быть, ты теперь споешь?

— Пожелавш — спую.

И, взяв из рук Улю кобзу, зажмурился, повел бровями и, резко ударив по струнам, запел «казакскую-исповядальную»:

Много ли добра сделал ты назае,
Много ли беганню по тебе запалчет?

Голос его то вдруг становился дрожащим, расслабленным, то обретал твердость. Глинка ждал: вот-вот запалчет кобзарь — таким печальным делалось его лицо, так безжизненно повисали его руки. «Артист», — ду-

мал Глинка, не отрывая взгляда от его рук. Они цепко и быстро перебирали струны.

— Остап, едем со мной в Петербург! Большим певцом станешь! — сказал он, дослушав песню до конца. — В капеллу тебя возьму.

— Нет, бари, мена казани не пусять, а за слова твои спасибо! Клянись, Уля, барины и объяви кобзарям: в земной дружбе им быть с ним! виноват и перед тобой, не верил зтакому чуду, не вяка тому, что молва о тебе разнесла.

«Рассвет застал Глинку в заставленной цветами оранжерее. Он спал, забыв о Тарновском, успокоенный и всем довольный. Нотные листы с набросками арий из «Бусылана» белели на солнце. Во сне он продолжал писать музыку, а проснулся с ошущением легкости в теле, хотя спал молча. Теперь он твердо знал, что именно Остапа ему не хватало для успешной работы над оперой. Надо сделать так, чтобы жил он где-то поближе».

Днем дворные привели Вересая и Улю из деревни. Хату отвели ему рядом с жильем Гулака Артемовского и наех-малолеток. А днем позже, высприв у пана Тарновского лошадей, Глинка поехал с ними в кобзарный гурт.

У кобзарной хаты встретили их заждавшиеся Остапа слепцы. Вересай поклонился им и сказал:

— Снимите шапки: пан Глинка здесь, с нами!

И вновь они сидели за столом в ожидании, что скажет Остап, и ловя каждое оброненное Глинкой слово.

Они услышали, что приезжий расплачивается за Гулака, жертвует на музыкальный цех, на свечу. Слепцы поняли, что в церковь Глинка и Остап пойдут теперь же, и Вересай почему-то торопится освятить в церкви их встречу с приезжим.

Большинство слепцов осталось ждать в хате, а некоторые поехали к церкви. Они не знали, как удивился Глинка, увидев там свечу толщиной в бревно. Она стояла на полу, и пламя, казалось, лизало черные лики святых. Свеча трещала, дымилась. Но Остап был рад за свой цех, которого приезжий оказал такое внимание. Потом он провозгласил в торжественной тишине хатки:

— Ныне отпускаем казака Гулака Артемовского в Петербург.

— Вот и провожали мы тебя в столицу, — шепнул Остап Михаилу Ивановичу, когда вышли на паверть. — Теперь бери наших певчих!

Утром, прощавшись с Остапом, Глинка уехал в Ромны на ярмарку. Вернувшись оттуда к Тарновскому, он захватил хлосичков и отправился в Петербург.

А в это время на дороге, ведущей в Качановку, Остапа Вересая встретил россыпй, одетый, как семинарист, лутник с волосами, подстриженными в скобу.

— Дядя Остап, здоровья ли? То я, Тарас. Или не помнишь?

— Тарасе? — зашептал старик, быстро схватив его руку. — Да неужто из Петербурга?

— Оттуда, дядя Остап. А верно ли, что Глинка у вас был в Качановке?

— Был, Тарасе, то верно, что был... Пролетел, как птах, и скрылся, но голос его много. Друг он наш, одно с ним дело творим, не так ли, хлопче?

И, остановившись, долго рассказывал Тарасу Шевченко, где он ходил с Глинкой и как они пели друг другу свои лучшие песни.

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ СТОЛИЦЫ

В холодной комнате, накинув на плечи серую солдатскую шинель, перед натранным на подрамник еще чистым полотном сидит художник. Правая рука его, словно не решась сделать первый мазок, задержалась в воздухе. О чем задумался художник? Какой у него созрел замысел? Вся обстановка комнаты говорит о грозном военном времени. В углу стоит остывшая железная печка, над окном приподнята штора затемнения, на стенах памятные плакаты. Грубые кирзовые сапоги художника облеплены комьями глины. Немалый путь прошел он по трудным фронтовым дорогам, сколько повидал, прочувствовал! И кажется, вот сейчас художник точным,

Е. Зверьнов.

Юбилей учительницы.

тивыми мазками. Более четырехсот молодых художников демонстрировало свое искусство, свой талант. Многообразие тем и жанров свидетельствует о глубине интересов, о неустанных творческих поисках, об искреннем желании по-своему, своими средствами раскрыть современность, показать ее зримо, ярко, правдиво.

Наиболее значителен на выставке раздел живописи. О романтике труда людей сильных и смелых повествует картина С. Фролова «Охотники за китами». В. Захаркин создал выразительный образ «рыцера революции» Феликса Дзержинского. Очень хорошо исполнен В. Юриным портрет Демидова — хозяина завода имени И. В. Сталина. Трогательная, новость вызывающая улыбку сценка запечатлена в картине Б. Голикова «Гомонился», показывающая спящего в кровати розовощекого мальчика. На выставке представлено немало пейзажей, отображающих неповторимую красоту нашей природы, есть неплохие натюрморты.

Но, конечно, основное внимание обращают на себя те жанровые работы, в которых намечены попытки решить острые темы нашей современности. К ним относятся большое сюжетное полотно А. Китаева «На одном собрании», картины Е. Расторгуева «А дальше что?», М. Стриженова «Чужие» и особенно произведение Р. Зеньковой «Трутни». В резко сатирическом плане изображает художнице

двух женщин, которым «высокое положение» главы семьи позволяет проводить дни в праздности и безделье.

В главном выставочном зале на круглом столике лежат толстые, в плотных переплетах «Книги отзывов». Многочисленные посетители оставляют в них отзывы о выставке, высказывают различные суждения, дают оценки работам. И не случайно именно такие произведения, как «Чужие» и «Трутни», вызвали наибольшее количество записей. На страницах «Книги отзывов» буквально разгорелся спор, столкнулись противоположные мнения. Многие справедливо осуждают Р. Зенькову за натуралистичность за грубость рисунка. Действительно, в картине немало недостатков: она пестра по краскам, не продумана композиционно. И вместе с тем одно несомненно: картина ставит серьезный вопрос, который не может не вызывать спор.

Русской живописи всегда было свойственно будить большие мысли, сильные чувства. Споры эти говорят о том, что от молодых художников и нынче ждут смелых, острых произведений, способных натолкнуть на размышления, по-настоящему взволновать. А без высокого мастерства, без глубокого изучения жизни добиться этого нельзя.

Интересны скульптурные работы, представленные на выставке. Подлинной героикой первых лет молодой Советской республики

Д. Митлянский.
Стрелочница.

смелым мазком начерт картину. Ему есть о чем рассказать о подвигах и мужестве воинов, о суровой борьбе советских людей в дни Великой Отечественной войны.

«В дни войны» — так и называется эта работа Г. Коржева, показанная на выставке молодых художников столицы. Не все совершенно в картине Коржева. Но образ, созданный им, как бы раскрывает основное, характерное для выставки — стремление молодых художников ответить на самые волнующие вопросы нашей действительности.

На выставке представлены различные работы. Здесь произведения живописи и скульптуры, изделия из керамики и дерева, графика, цветная мозаика, образцы декора-

С. Фролов.

Охотники за китами.

Ю. Стручков. Павел Корчагин.

В. Захарин.

Дзержинский в штабе левых эсеров.

вет от фигуры Павки Корчагина, вылепленной талантливым скульптором Ю. Стручковым. Верится, что именно такими были комсомольцы, которые сражались на фронтах гражданской войны, а после прокладывали железные дороги, строили ДнепрогЭС, возводили домы Магнитки. С большим художественным мастерством, жизненно правдиво сделана скульптура «Строитель Кремля» Э. Неизвестным. Скульптурная композиция

И. Танеты «Эстафета мира» — одно из многих произведений, решающих волнующую тему борьбы народов мира за мир.

Знакомство с творчеством молодых вселяет уверенность, что будущее советского искусства в умелых руках. Помня выставку, невольно вспомнишь слова поэта Назыма Хикмета, оставленные им в «Книге отзывов»: «Молодежь! Еще смелее, еще смелее, еще смелее!..»

М. Стриженов.

Чужин.

Б. Шатуновская.
Януг-оленовод.

Вилу, на зеленом бархате тайги, серебряными овалами лежат озера Орель и Чля.

Мы по очереди стали переправляться на лодке-морочине.

СПУСТЯ ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ

Б. СУШКОВ

Семипушечный бот «Кадык», построенный на Охотской верфи, вышел в очередное плавание на юг от Охотска.

Начало далекого и трудного похода было успешным. Но на подходе к Аму погода, как это часто бывает в Охотском море, внезапно испортилась. С межминутным часом все сарделетой сменился напор ветра, выше вздымались волны. Корабль начало сносить к Шантарским островам. В предугрошенной мгле моряки увидели слабые обрывы западной оконечности Медвежьего острова, находящегося в восточной части Удской губы. Слева, со стороны материка, обрывались в море крутые отроги Альского хребта.

Командир корабля решил переждать шторм в проливе между островами Медвежьим и материком. Бот стал на якорь против скалистого мыса Баранджа. Ветер утихнул, и «Кадык» стал дрейфовать на якорь. Все ближе сносило его к прибрежным скалам. Пришлось срубить манту. В трюме появилась течь. Команда стойко боролась за жизнь корабля, но уснуть было немыслимо. Клокочущие вали бросили бот на скалы между мысом Баранджа и мысом Кили. Случилось это 18 октября 1885 года.

—Весной 1953 года в Военно-исторический музей Тихоокеанского флота во Владивостоке пришло сообщение о том, что во время отлива на берегу Удской губы, против острова Медвежьего, рыбаки заметили пушку. Сопоставив сообщение рыбаков и обстоятельства гибели бота «Кадык», работники музея пришли к заключению, что обломки корабля на побережье Удской губы пушки могли принадлежать только боту «Кадык» — одному из первых русских военных кораблей в северной части Тихого океана.

И вот в конце июня 1953 года сотрудники музея — художник Анатолий Павлухин, фотограф Николай Потапов и автор этих строк — отправились на поиски останков бота «Кадык».

Через несколько дней мы были уже в Николаевске-на-Амуре. Отсюда нам предстояло добраться до селения Чумкино, расположенного в Удской губе. Несмотря на лето, район Шантарских островов был забит льдами, пароходы между Николаевском-на-Амуре и Чумкиным еще не ходили. Четверть века назад это обстоятельство было бы весьма серьезным препятствием для путешественников. Ныне над дальневосточными просторами нашей Родины проложены воздушные трассы, и мы воспользовались этим транспортом.

Самолет плавно отрывается от земли, набирает высоту и круто поворачивает к западу. Вилу, на зеленом бархате тайги, серебряными овалами лежат озера Орель и Чля. Все шире разветвляется панорама Нижне-Амурской области: круглые сопки и возвышенности, поросшие густыми таежными лесами, широкие долины, покрытые луговой растительностью. Многие вершины хребтов и сопки облынены.

Пролил вилу Тугурский залив,

заполненный битым льдом. Самолет, приближаясь к Охотскому морю, идет вдоль побережья Удской губы.

Удская губа расположена в южной части Охотского моря, к западу от Шантарских островов. Названа она по имени реки Уды, впадающей в море. К южному берегу, над которым мы летим, подходят отроги Тильского и Альского хребтов. Вдали, на западном берегу губы, сияют громады Джугдурского хребта.

Самолет садится на одном из многочисленных островов причудливо разветвленной дельты Уды. Отсюда до селения Чумкино мы добрались на моторной лодке. Чумкино — большой поселок с широкими прямыми улицами, с длинными рядами одноэтажных деревянных домов. Здесь имеются большой рынок, районный клуб, библиотека, семилетняя школа, столовая, два магазина. Население поселка — русские и эвенки.

Из Чумкина нам предстояло пройти пешком почти сто шестьдесят километров по побережью

Удской губы в направлении к Тугурскому заливу. Сборы были несложными. Покупка хлеба, муки, сахара, концентратов, чистая одежда заняли не много времени. Особое внимание мы обратили на обувь, так как это, пожалуй, самое главное при пеших переходах, особенно по каменистому грунту.

Несмотря на то, что в дороге мы взяли с собой только самое необходимое, груз в общей сложности получился увесистый — по восьмидесяти килограммов на человека, не считая ружей и патронов.

Ранним утром 18 июля мы вышли из Чумкина на морское побережье. Вдоль границы прибрежного сплошного вала лежат выжидкой лес. Громадные стволы, лишенные коры, желтовато-белые, как сложенная известь, переплелись обломками ветвей и корней, образовала стену, местами выше человеческого роста. Дело в том, что в Удскую губу впадает много рек и ручьев. Все они вносят в море, особенно во время дождей, множество деревьев. Прибывем их выбрасывает на берег.

Низко, по самому срезу воды, перепархивают стан кульчики. Наш первый походный обед состоял из этой мелкой, но очень вкусной дичи.

Приближается громада Тильского мыса. Перебираемся через устье реки Тиль. На месте впадения берега, под западными склонами мыса, в море впадает река Тилинчинка, в устье которой находится рыбная база. Десятки домиков уютно пристроены на опушке тайги. Радушно встречены работниками базы, устроенными на ночлег.

Было еще темно, когда мы вышли на еле заметную пешеходно-оленью тропу через Тильский хребет. Тропа ведет к таежному поселку Торома, до которого предстоит пройти сорок километров.

В сумраке раннего утра тайга недвигима. Нога тонет в толстом

Председатель колхоза выделил нам проводника и выючных оленей.

покрова мха. Между высокими лиственничными и елями то там, то здесь лежат громады обомшелых стволов. Но вот сумрак постепенно рассеивается, тайга просветляется. Поднимаемся на оглобленную вершину сопки. Слева и впереди — море, покрытое льдинами, направо — бесконечные гряды сопок. Внизу — лес. Чудесный лес! Лиственница, ель, пихта, сосна. В распадах и долинах — тополь, ольха, ива. На этих громадных таежных пространствах множество всякого зверья: белка, рысь, соболь, лисий, лось, олень, черныш и бурый медведь. Много глухарей и рябчиков. Поражает обилие ягод — брусники и голубики, но в середине июля они еще только цветут.

Идем по распадку, круто спускающемуся к морю. С трудом пробиваемся в густых зарослях ольхи, трава местами скрывает с головой. Все время приходится отмахиваться от полчищ озоливых комаров.

Наконец выходим из ольшеники и в недоумении останавливаемся. Прямо перед нами метров на восемьдесят в длину и метров на тридцать в ширину лежит ледяное поле. Под ним исчезает ручей. Лед в обрамлении пышной растительности в погожий солнечный день Пожалуй, не часто можно встретить такие концы, но здесь они — обычное явление. Устье больших рек Удской губы — Уды, Ала и Торомы — уже в мае освобождается от льда, но устья горных речек и ручейки покрыты им почти все лето.

По ледяному полю снова выходим к берегу моря. Над прибрежной полосой нависли скалы восточного склона Тьльсского мыса.

Сумерки быстро спускаются. Решаем расположиться на ночлег у подошвы скалы, чуть выше приливной черты. Быстро сооружаем шалаши, устремив их в еловых ветвях и черной лиственнице. Пара рябчиков и гренаха ише не оставили неплохой ужины.

Вошла луна. Под ее слабым светом вырисовываются причудливые контуры утесов. Тишину нарушают только шумот ручья, выбегающего из-под ледяного навеса, да посвист ветра, натянувшегося на каменную грудь мыса. К утру ветер и навешившийся прилив подняли волны. Вода стала захватывать наш шалашистый лагерь. Пришлось срочно перебраться повыше, куда не достигли волны.

К устью реки Торомы мы подошли по большой отвали. Обнажающиеся во время отлива дно здесь покрыто твердым илом грязносероватого цвета.

Между Тьльским и Альским мысами, отстоящими друг от друга на сорок километров, берег дугобразно впадает в материк, образуя Торомскую губу. Здесь в море впадает вторая по величине после Уды реки — Торомы.

В окрестности мыса Торомы в отличие от материка здесь по темному реку находится поселок Тором. Принято говорить, что такие селения затеряны в тайге. Да, действительно, кругом тайга. Но селение никак нельзя назвать затерянным. Ряды новых деревянных домиков весело смотрят большими окнами. Телеграф и телефон связывают поселок с районным центром — Чумкискино. По радио звучит голос Маскмы.

На побережье выходит отроги материковых гор.

Председатель колхоза имени XVII партийного съезда выделил нам проводника и вьючных оленей. Теперь наша экспедиция стала довольно внушительной. Впереди шествовал пес Мальчик, за ним верком на оленях поминались олений пастух Николова и его четырнадцатилетний сын Юра. Они на поводу вели за собой четырех вьючных оленей. Мы трое замкнули шествие. Фотограф Попов соблазнился было верховой ездой, но стоило только ему укоротиться на оленьей спине, как у несчастного животного разрыхлялись ноги. Больше никто из нас уже не повторил попытки прокатиться верком на олене. Олень несравненно слабее лошади, однако благодаря своим клешневым копытам хорошо держится на слабом грунте, где лошади сразу проваливаются бы.

Вот и река Ал. Так же, как и Торомы, это быстрая и довольно широкая река. Развешенные оленей легко переплыли ее, подогнав мыса Мальчиком. Мы же с грузом по очереди стали переправляться на лодке-оморочке. Эти долбленые из ствола тополя лодки очень легки. Оморочку длиной до трех метров свободно несут два человека. Плавание на оморочке требует навыка, малейшее

неумелое движение выводит ее из равновесия, и она опрокидывается.

Между устьем реки Ал и Альским мысом на побережье высятся лесистые отроги материковых гор. Всюду на приливной черте лежат льдины. На береговом песке отчетливо видны следы медвежьих лап.

На ночлег мы расположились у устья реки Биракми. Быстро соорудили шалаши, разложив котел. Ночь прошла спокойно, если не считать вояны с комарами, бодровавшими до самого утра.

Как только вошло солнце, мы направились к подножию Альского мыса. В привал подогнали мыса непродолжно, но в отлив образуется вполне пригодная скалистая гряда. Тяжелые всех пришлось оленям, они были вынуждены прыгать с камня на камень.

Вдали видны мыс Барандика и западная оконечность Медвежьего острова. Узкий пролив между островом и материком заполнен плавающими льдинами. Вот то место, где около 150 лет назад победил бот «Кадьякс». Идем медленно, осматривая каждый метр береговой полосы — быть может, уже здесь найдутся следы кораблекрушения.

Вброд переходим устье реки Барандики. Перебираемся по камням, оглянем мыс. Слева стеной возвышается скалистый берег. У подошвы — галечно-песчаная приливная полоса. Всюду льдины и льдины.

Выходим к мысу Клин. За мысом снова небольшая губа, образуемая реками Малый Уйкен и Большой Уйкен, вдали нарастает громада мыса Малая Дугандика. Мы приближаемся к цели нашего путешествия. Где же останки «Кадьякса»?

Сядимся на камни. Пес Мальчик как будто понимает наше состояние и, повизывая, присаживается рядом. Решаем — будем искать день, два, неделю, но поне переберем каждый камушек, не уйдём отсюда.

Солнце на закате. Начнем исследовать берег. Вдур шалахи художника Павлукина исчезает за льдиной, и слышится громкий крик. Сердце вкнуло — ну же! несчастье! Досылая патрон в винтовку и бегу к нему. С другой стороны бежит фотограф Потепов.

Анатолй Павлукин стоит на коленях и выпалывает что-то из песка. Ведь это орудиная цапфа! Пес с громким лавом носится вкрутку.

Так между мысом Барандика и мысом Клин 22 июля 1953 года во время отлива мы обнаружили две чугунные пушки с бота «Кадьякс». Они лежали в двадцати метрах от другой, занесенные песком и галькой. Обе пушки — образца 1786 года, длиной 165 сантиметров. Метрах в десяти от них был обнаружен якорь адмиралтейского типа с наполовину обломанным верхником. Якорь лежал глубоко в песке, наружу торчала только носок одной лапы.

С большим трудом освободили мы пушки и якорь из грунта и выкатили их за полюс прибоя. Теперь эти реликвии найдут достойное место в музее. Они будут рассказывать нам о тех протест русских людей, которые продолжали дело замлепроходцев XVII и XVIII веков, осваивали берега Охотского моря.

Во время отлива мы обнаружили две чугунные пушки с бота «Кадьякс».

КРЕПОСТЬ на острове Котлин

Первая морская победа над шведами в устье Невы в 1703 году.

В восточной части Финского залива, примерно в двадцати пяти километрах от устья Невы, вытянулся узкой полосой остров Котлин. Расположенный почти последние залива, вдоль единственного пригодного для крупных судов фарватера, он словно своей природой предназначен прикрывать со стороны моря раскинувшийся на неских берегах Ленинград.

Здесь, на острове Котлин, и стоит город-крепость Кронштадт — бесменный часовой и морских водор Ленинграда.

Сюсобразен облик Кронштадта. Здесь есть грозные, хмурые форты и тенистые вековые парки. Могучие липы и каштаны отражаются в пересекающих город старинных каналах.

В гранит одеяла просторные гавайи, где стояли на протяжении столетий суды всех классов и типов, когда-либо существовавших в русском флоте.

Все здесь напоминает о дальних плаваниях и морских сражениях, об исторических победах русского оружия и русской мысли.

Здесь впервые познакомились с морем Ушаков и Нахимов — выдающиеся флотоводцы нашей страны. Здесь служили замечательные люди русского флота — Сивридов и Лазарев, Бутakov и Макаров. Отсюда начал свое путешествие на фрегате «Паллада» Гончаров и отправился на Новую Гвинею Миклуха-Маклай. Великий русский ученый Попов преподал физику в Кронштадтском минном офицерском классе и произвел здесь первые опыты по передаче первых в мире радиосигналов.

Богатая событиями история Кронштадта обхватывает четверть тысячелетия, в следующем году ему исполняется 250 лет. Официальной

датой рождения города-крепости принято считать 7 мая (по новому стилю — 18 мая) 1704 года — день, когда на уже готовом деревянном форту Кроншлот, сооруженном в течение зимы на отмени у острова Котлин, были в присутствии Петра I установлены орудия.

Кронштадт родился в дни Северной войны, которую Россия вела в начале XVIII века со Швецией за древние славянские земли на берегах Балтики, за выход к морю. В 1703 году русские войска достигли побережья Финского залива и в устье Невы были заложены Петропавловская крепость — основа будущего Петербурга. После этого стало насущной необходимостью укрепиться на острове Котлин, чтобы обеспечить новому городу надежную защиту со стороны моря. И так только шведский флот, державшийся у Котлина до самого лета, отошел на зимовку, русские солдаты вышли на лед залива строить Кроншлотский форт. Весною он был уже готов к встрече врага.

В инструкцию, врученной первому команданту Кроншлота, точно определено назначение форта — не пускать неприятельский флот в Неву — и предписано «содержать сию Citadelю... аше случится, хотя до последнего человека».

Форт был сооружен по-прежнему, противник не заставил себя долго ждать. Уже в июне 1704 года появившаяся у Котлина шведская эскадра предприняла попытку высадиться на остров десант и дать для бомбардировки Кроншлот. Все атаки неприятеля были отбиты.

Ожесточенные бои происходили у Котлина в следующем, 1705 году, когда сильный шведский флот вновь дважды пытался пройти в Петербург. К этому времени уже

и на самом острове имелись батареи, которые вместе с артиллерией Кроншлота и вышедшим к Котлину молодым Балтийским флотом России отогнали неприятеля. Русская крепость в Финском заливе завоевала себе славу неприступной.

Исключительное значение укрепленной на Котлин, как ключа к Петербургу ставилось все более очевидным. После того, как Швеция заключила союз с Англией и в водах Балтики появился английский флот, Петр I особо подчеркнул это значение Кронштадта в известном указе 1720 года, требуя «оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиправнейшее дело».

Кронштадт сделался главной базой русского Балтийского флота, стал колыбелью его боевой славы. 26 июля 1803 года отсюда ушли в первое русское кругосветное плавание и сюда же вернулись из него парусные корабли «Надежда» под командой Ивана Краузенштерна и «Нева» под командой Юрия Лисянского. Обогнув земной шар за три года, отважные мореплаватели занесли на карту мира ряд неизвестных прежде островов, проливов, бухт. За этой экспедицией последовали другие. Именами русских, кронштадтских моряков названы многие географические пункты в самых отдаленных морях и океанах земного шара.

Из дальних экспедиций, снаряжавшихся в Кронштадте, особенно большое научное значение приобрело знаменитое плавание шлюпов «Восток» (под командой Фаддея Беллинсгаузена) и «Мирный» (под командой Михаила Лазарева). В 1819—1821 годах они проплыли за Южный полярный круг и открыли новую материк — Антарктиду. Это было крупнейшее географическое открытие последних столетий.

В годы Крымской войны Кронштадт выдержал новое боевое испытание. К Котлину подошел со-

единный англо-французский флот. Британский адмирал Непер объявил приближенным, что он намерен «поавтракать» в Кронштадте и пообедать в Петербурге. Но огонь кронштадтских фортов внес, как это неизменно случалось и прежде, существенные поправки в планы чужеземных захватчиков. А русские морские минные заградители, впервые примененные тогда на подступах к Котлину, еще более охладили пыл непрошенных гостей. Им осталось признать, что Кронштадт попрежнему неприступен.

Через шестьдесят пять лет кронштадтцам пришлось еще раз повторить этот предметный урон избыточными агрессорам. Это было в 1919 году, когда англо-американский флот, поддерживая белогвардейские армии, двинулся к красному Петербургу — городу Великого Октября. К тем дням относится позыв артиллеристов эсминца «Гавриил» уничтожить три вражеских торпедных катера, потопление эсминцем «Азард» британской субмарины «Л-55». Восемнадцать кораблей оставили английский эскадра на дне Финского залива, шестнадцать других были повреждены. И ни один не прорвался к Петрограду!

Крепость на Котине была центром революционного движения среди балтийских моряков. В годы первой мировой войны здесь сложилась и вела большую подпольную работу на кораблях и фортах большевистская организация. Летом 1917 года Кронштадт уже стал подлинной крепостью большевиков, где не признавала власть буржуазного Временного правительства.

За месяц до Октября — в то время, когда русская буржуазия, стремясь задушить назревавшую социалистическую революцию, тайно договаривалась с англо-французскими капиталистами о создании подлинной крепости — Балтийские моряки, руководимые большевиками, героически сражались в Моонзундском проливе с флотом кайзеровской Германии и, нанесив ему большой урон, сорвали планы врага.

В исторический день 25 октября 1917 года тысячи кронштадтских матросов, прибывших по зову партии в Петроград, явились одной из главных сил победоносной социалистической революции. Кронштадтцы в матросских бушлатах сражались за Советскую власть на всех фронтах гражданской войны.

Революционные и боевые традиции Кронштадта подхватили и приумножили балтийские моряки нового поколения. В годы Великой Отечественной войны морская крепость на острове Котлин стянула новую волну.

Разделяя с Ленинградом все тяготы блокады, Кронштадт стойко отражал бешеный натиск врага и вносил флотские захватчиков удары артиллерией фортов и кораблей. Их огонь, подальше который не могла никакая вражеская сила, был одновременно и щитом и разрывным мечом Ленинграда.

Славная морская крепость на острове Котлин постоянно готова к защите Родины и в иные мирные дни. Восточный историк убедительно говорит о том, что здесь никогда не пройти никому врагу.

Н. ЛАНИН,
капитан 2-го ранга.

Спокойно, снимаю!

Фото А. Молдцова.

КОННЫЙ СПОРТ В ГРУЗИИ

Фото А. Лепина.

По зеленой площадке, напоминающей футбольное поле, стремительно скачут всадники, вооруженные ракетами на длинных рукоятках. Один из всадников наносит ракетной удар по резиновому мячу. Мяч летит к воротам противника. Сейчас будет забит гол.

Так развлекается древняя грузинская конно-спортивная игра «цхен-бурти». По своим правилам она напоминает хоккей. Игра очень динамичная и вызывает спортивный интерес не только у тех, кто участвует в ней. Когда грузинские конники демонстрировали «цхен-бурти» в Москве, зрители, пришедшие на Московский государственный ипподром, следили за ней с таким же волнением, как и за футбольными состязаниями.

В «цхен-бурти» участвуют две команды. В каждой из них по шесть игроков — один вратарь, два защитника и три нападающих. Выигрывает тот, кто забьет в ворота противника наибольшее количество мячей.

Большой интерес представляет и другая народная грузинская конно-спортивная игра — «исиди». В ней также участвуют две команды по шесть всадников. Но вооруженные игроки не ракетками, а деревянными дробочками длиной в сто пятьдесят сантиметров. После жеребьевки команда, начинающая игру, высылает первого всадника — «вызывающего». Этот всадник обязан пересечь центральную линию площадки, на которой ведется игра, метнуть свой дробок в противника и повернуться, сияя обратно. Всадник другой команды начинает погону за его спиной дробком. Так все участники игры «исиди» по очереди показывают свое мастерство. Выигрывает команда, игрок которой сумел своими дробочками попасть в противника наибольшее количество раз. Игра «исиди», идущая в исключительно быстром темпе, требует от всадников очень большой ловкости, меткости и отличного управления конем.

В Грузии широко развит такой вид спорта, как рубка лозы. Пригнувшись, почти касаясь головой гривы лошади, несется всадник. Последней каждому движению саorsa, конь стремительно летит вперед. Вот всадник чуть пристал на стременах, под лучами солнца, как молния, свернула влево, и тонкая лоза, не дрогнув, утонула в землю. Удар направо, удар налево, одна за другой падает гибкая лоза, срубленная на полную скачку... Этот вид спорта воспитывает лихих джигитов, умеющих прекрасно владеть шашкой.

Конный спорт издавна пользуется в Грузии заслуженной славой. Он вырабатывает в человеке смелость, выносливость, ловкость, развивает глазомер, воспитывает воинские качества. Это настоящие школа мужества. Поэтому соревнования джигитов всегда привлекают огромное количество любителей красноречиво и трудного вида спорта.

На с и м к а (справа вниз): 1. Конно-спортивная игра «цхен-бурти». 2. Конно-спортивная игра «исиди». 3. Рубка лозы.

ПО НАД КАМОЙ

Казалось бы, чем больше выступлений, тем сполнаיתה слово. Нечего подобно! От концерта к концерту волнение все росло. А когда в Колонном зале Дома союзов в Москве конференции объявлял: «По-над Камой», литературно-музыкальная композиция. Исполняет автор Людмила Пегухова, Молотовская область» — Люся даже не поняла, что это про нее.

Тысячи огней ударили в глаза. Люся Пегухова глянула на своего мужа Геннадия. Он уже распрямил мех баяна, Геннадий, как всегда, был сложен. И, как всегда, это придало Люсе смелости.

— По-над Камой на полне... — начала она. Зал замер.

Где-то далеко от столицы, от этих огней дремлет сейчас Кама, засыпает поселок Керчево. А может, зыблет там сейчас песня и подруги вспоминают ее, Люсю? Вспоминают, как пришла на керчевский сплавной рейд молоденькая девушка, как пошла она работать на реку. Может быть, говорят девушки о том, как Люся с подругой Валей Сельварской — она тоже в Москве на сцене — пели песни, но все боялись пойти с этими песнями в клуб. Соответственно, клуб-то настоящего тогда не было. Просто декомбинизированый марк Геннадий Петухова организовал в одном из барачных занятия кружка самодеятельности...

Люся читала:

А баян, переливаясь,
Звучит льет и льет воструг.
И, частушкой, вставив,
Девушка выходит в круг.
На носочках, очень плавно,
Осторожно, не спеша,
В круг выходит залу славно,
Подобравшись. Хороня!

Люся сама подбодрилась и задрожало вскинула голову. Хотя зал молчал, чувствовалось, что каждую минуту он может разразиться аплодисментами. Он начал бы слушаться, как она выстуше! Но никто, наверное, об этом не догадывался. Ведь Люся только что весело заявила:

Говорят, что я бойна.
Бойна, не отпиралась...

Никому и невдомек было, что, кроме слухов, Люся знала самые горькие, самые жестокие провалы. Вспомнить, и то похвастаться. Правда, «эпоэтическая» ее деятельность началась с успеха. Огорчения пришли позднее.

Когда Люся еще училась в пятом классе и жила у бабушки с дедушкой, ее одноклассники попросили написать заметку в стенгазету. Люся попробовала и неожиданно для себя обнаружил, что заметка получилась рифмованная. Назавтра весь люсин класс с гордостью читал собственные, школьные стихи, и подруги наперебой уверяли Люся, что ее привязание — поэзия. Девушка тоже был очень горда за звучку.

А четыре года спустя, в 1949 году, керчевчанка повесила свою самодеятельную программу на областной смотр в Молотов. Перед отъездом Люся не спала всю ночь. Она творила. К расвету было содано длинейшее стихотворение, в котором она шла на том современности не осталась не затронутой. Стихи были буквально обо всем.

С победоносным видом откровенно Люся в Молотов, там представило «серьезные слезные» соседями по ребу, у которых самодеятельность была уже «со стажем». Керчевцы только-только становилась на ноги, и на досноно выступление возлагались большие надежды. Правда, людей, хорошо разбирающихся в литературе, в Керчеве не было. Парторг почтала, «Ей поэзия» и не спец, а насчет политики — правильно».

И вдруг один из членов жюри, литератор, прочтя люсину произведение, пожал плечами: «Вообще, длинновато и почистить кое-что надо... Сдавайте», — согласился Люся. Через час

Недавно закончился длившийся несколько месяцев Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности. Он ярво продемонстрировал расцвет культуры бытывающей деревни. Только для заключительного показа в Москве было рекомендовано более 8 тысяч исполнителей.

Люри конкурса, в работе которого приняло участие невиданное мастерство искусства нашей страны — В. Барсова, В. Марцева, В. Чирова и другие, — дадо высокую оценку многим выступлениям. 40 коллективов были награждены Министерством культуры РСФСР. 1513 человек получили грамоты и денежные премии.

Среди участников смотра были исполнители, выступавшие с собственными произведениями. Об одном из таких участников смотра — сортировщик Керчевского сплавного рейда Людмиле Пегуховой — рассказывается в этом очерке.

от поэмы осталось двенадцать строк. Но это только побудило. Беда случилась на концерте, когда Люся, забыв и эти двенадцать строк, убежала за кулисы. Вот был позор! И как это случилось, Люся сама не понимала.

Люся росла вместе с поселком Керчево. Когда она пришла, здесь были одни бараки. Постепенно берг обрстал новыми домами, и наконец настал день, когда в районе все узнали: в Керчеве открывается новый клуб.

Клуб хороний, просторный. Участники самодеятельности решили, что в таких великолепных стенах может звучать только «серьезная» музыка, а всеческие частушки должны умереть в старом бараке. Поэтому создали новую программу. Но на генеральной репетиции слова обнаружился полный провал. «Серьезная» программа не получалась. Директор рейда Сафонов был мрачнее тучи.

Тогда Люся увела артистов к себе домой, и там до утра воскресла старье номера, блись над новыми. После поражения на областном смотре Люся решила не сдаваться. И они победили: зал бубуеал, а Сафонов аплодировал больше всех.

Жизнь Люся становилась все разнообразнее, интереснее. Новые темы приходили к ней. Она

уже знала, что творчество — это не только плавание, но и упорство.

Разумеется, ни эти, ни другие воспоминания не приходили сейчас Люсе Пегуховой на ум. Перед глазами дробилась огни высоких люстр, пылали и свалились лига. Геннадий усердно перебрал ляд баяна, Люся читала:

Вот и третья выплывала,
Яния, загорая,
Ог подруги не осталась —
Милого перебрала.

И сама завела частушку:

Зас сплавляет на сто двадцать,
И на сто двадцать лить.
Если мыльай не догонит,
И не бду с ним гулять.

В памяти Люся мелничуа картина реки, забитой бревнами, и она сама на берегу с баргом в руке. Такая река часто силлась ей в первый год работы на реиде. Целую ночь, бывало, пылаи и пылаи бревна, тяжелые, блестящие.

Долго привела девушка к сплаву, к реке. Но через год она уже чувствовала себя зрелой этой люстрой, лющих по течению.

Однажды летом в верховьях Камы не смогли сдержать лес, и он, сметая все на пути, двинулся на Керчево. Как раз тогда на реиде گرفت лювочный клуб. Люся была на нем. Тревога вскомынула всю реку. Клуб спешно отвели в безопасное место, и Люся вместе со всеми пошла останавливать бременчатый поток. Через реку натянули толстый трос, и лес стал.

А прошлым летом? Когда ядр река обмеледа, на середине Камы образовались заторы... В Керчеве помнят, как Люся с баргом пылаа на середине реки разбират затор.

Зимой жизнь на реку замирала, пусто становилась на реиде. Река уже не звенела голосами, перестук бревен. В такие времена Люся бравлась за другие дела: она работала пионерской стайкой.

Вожатая и пионеры были прежде всего друзьями. Вся романтика пионерской юности, все улекательное и веселое было неразлучно с вожатой. Походы, ночи у костра, спортивные состязания, тимуровские дела, казалось, занимали вожатую несколько не меньше, чем ее подопечных.

И всду рождалась ее стихи и песни. Они уже не были «всеобъемлющими», как первая поэма. Но теперь они действительно были обо всем. Обо всем, что ее занимало, окружало, волновало. — о реке, о пионерских делах, о работе, о любви.

Читая сейчас в Колонном зале строчки о том, как

По-над Камой рекою
Мески медленно льют,
И черемуза люсисто
Вегру на эту поет...

Люся ласково поглядела на баяниста. Может быть, кто-нибудь из зрителей и догадался в этот момент о том, что была у этих двух и лунная река, и песня над водой, и белые ворока черемузы.

Да, у них были долгие прощания до расвета, сомнения и решительные взгляды на вечерних, пахучие духом, случайно прижатые к груди юноши, идущего к любимой, была и есть большая любовь и дружба, которым не страшны невзгоды.

Дружба сгоревала и питала их любовь. Она не утопила в семейных заботах жгучий интерес к большой жизни. Она всегда поднимала и поддерживала их, ввязываясь за руки для долгой дорожки влюблен.

В эти дни большая жизнь встретила их в столице огнями площадей, волнениями концертов, кипучей деятельностью Москвы.

И, стоя на эстраде сверкающего зала, Люся рассказывала об этой большой жизни:

Эх, гармонь, давай ходи,
Говори, родная!
Наши верные плути,
Наша жизнь — большая!

— По-над Камой на полне... — начала она.

РАСТЕНИЕ, СОЗДАННОЕ ЧЕЛОВЕКОМ

А. ПРИСС

На острове учительницы Людмилы Лыловой им Пушкиарки в селе Трощком на Одессине выросли какие-то невиданные растения. Рассказывали, что семена, точнее, клубни, этих растений Пушкиарка получила почтовой посылкой из Харькова, высидила их и они стремительно пошли в рост. Год тогда выдался засушливым, кругом все выгорело, а эти растения все тянулись вверх. К концу лета они поднялись метра на четыре. Поглядеть на диковинные кусты приезжали колхозники со всего района. Они ошумели стебли, разминали в ладонях нежные листья и восхищенно развалили руками: — Лучшего корма для скота не придумаешь!

Вскоре в селе отгрохалась районная сельскохозяйственная выставка. Пушкиарка переселила туда со своего участка четыре куста, и там они стали чуть ли не самыми популярными экспонатами. А через некоторое время Трощкий райисполком направил в Харьков официальное отношение, в котором писал: «Мы убедились, что это растение имеет огромное значение, в особенности для животноводства. Райисполком от имени колхозников всего района просит выслать хотя бы один вагон клубней для посева».

Что же это за растение, так сильно заинтересовавшее трощиков колхозников?

Напрасно мы стали бы искать его в ботанических атласах, справочниках и таблицах. Его там нет и не могло быть по той простой причине, что такого растения раньше не существовало в природе. Это совершенно новая культура, выведенная человеком.

Вот краткая история этого нового растения.

В 1934 году в конференц-зале Всесоюзного института растениеводства в Ленинграде выступил с докладом о пшенично-пырейных гибридах известный ученый-селекционер Николай Васильевич Циани.

В числе слушателей, запомнивших аудиторный доклад и молодой аспирант Всесоюзного Иван Марченко, работавший тогда над проблемой селекции земляной гречи (топинамбура).

Природа щедро одарила земляную гречу своими качествами: она высокоурожайна, богата питательными веществами, нетребовательна к климату и почвам, листья и стебли ее — лучшее сырье для силоса, клубни годятся на корм скоту, в пищу людям и для технической переработки. Всем хороша была бы земляная гречка, если бы не строение ее клубневого гнезда: подземные стебли — столоны, на которых образуются клубни, — разветвляются далеко в стороны и этим создают опасность засорения почвы. Из-за этого трудно применять машины для обработки клубневых гречей. Многие ученые пытались улучшить культуру земляной гречи путем селекционного отбора. Ставил перед собой такую задачу и аспирант Иван Марченко.

Слушая Цианиа, Марченко думал о своей земляной гречке: если можно скрестить благородный злак — пшеницу и сорняк — пырей, то почему нельзя сделать то же с другими растениями? Что, если попробовать скрестить земляную гречу с каким-нибудь дальним ее «родичком», скажем, с подсолнечником?

Тут же у Марченко созрело твердое решение: менять тему диссертации! «Писать» свою новую кандидатскую работу он отправился на юг, на поля Майковского опытной станции Всесоюзного института растениеводства.

Трудно приходилось молодому исследователю. Метод отдаленной гибридизации для этих растений тогда был еще слабо изучен. Почти всю работу приходилось вести на опыту, вслепую. Неудачи преследовали на каждом шагу, но Марченко не отступал. Он привнес искусственное оплоднение нескольких тысяч цветков подсолнечника, меняя способы и приемы скрещивания. В конечном итоге ему удалось получить несколько растений явно гибридного характера. Марченко был счастлив: земляная гречка и подсолнечник скрестались!

Давно это было. С тех пор далеко вперед шагнула советская селекция, разработаны новые методы гибридизации. Продолжая улучшать и совершенствовать растение, Иван Иванович Марченко — теперь уже кандидат сельскохозяйственных наук — в последние годы вывел несколько новых, продуктивных сортов гибрида, и уже не на юге, а под Харьковом, на полях опытной станции Института генетики и селекции Академии наук УССР. Здесь, на небольшом участке у развилки дорог, можно видеть всю «семью» гибрида в сборе. На высокоом бархатистом стебле, подставив круглые жесткие листья солнечным лучам, светит покачивается на ветру кочан — странный подсолнечник. Бок о бок с ним шелестит пышной листвою «мать» — земляная гречка. Тут же рядом их «дети». От родителей они унаследовали все лучшее: от подсолнечника — широкий лист и высокую стебель, отпугивающую сорняковость и засухоустойчивость; от земляной гречи — неприхотливость, морозостойкость, сладкие клубни, высокие кормовые качества, шумит как ржачина. В потемноте эти свойства не просто повторялись, а резко усилились. Ростом гибрид раза в два — три выше родителей, по количеству зеленой массы пре-

восходит «мать» в три раза, по урожайности клубней — два раза. Созревает и цветет гибрид на два месяца раньше земляной гречи.

Но главное — клубневое гнездо. Ухватившись руками за стебель, можно легко выдернуть его из почвы. Нет, это уже не так распадающиеся во все стороны биформенные клубеньки, какие мы видели у земляной гречи. Основание стебля окружено компактно расположенными, как у картофеля, крупными белыми клубнями продолговатой формы. Никакой опасности засорения полей нет. Гибрид может участвовать в севообороте на тех же правах, как свекла, картофель и другие культуры.

О том, что судит новое растение народному хозяйству, в частности животноводству, лучше всего расскажут цифры.

Как показал опыт многих хозяйств и колхозов Украины, гибрид дает в среднем 50 тонн клубней и более 70 тонн зеленой массы с гектара. Не многие кормовые культуры обладают такой урожайностью!

Сочные, богатые питательными веществами стебли гибрида содержат 12—15 процентов сахара и до 3—4 процентов белка, клубни по питательности равны картофелю и гораздо выше кормовой свеклы, моркови, брюквы и других корнеплодов. Годится они и в пищу человеку.

Для сравнения различных кормов между собой существует один измеритель — так называемая кормовая единица, равная по питательности одному килограмму овса. По данным Полтавского научно-исследовательского института свиноводства, в одинаковых почвенно-климатических условиях кукуруза дала 5550 кормовых единиц с гектара, подсолнечник — 5720 единиц, картофель — 7030 единиц. Посевы же гибрида земляной гречи с подсолнечником в тех же условиях дали свыше 23 тысяч кормовых единиц!

Собранный с одного гектара урожай этого растения с небольшой добавкой концентратов в состоянии обеспечить кормом до 20 голов крупного рогатого скота в течение всего стойлового периода и до 50 свиней.

Для полноты картины необходимо еще упомянуть, что клубни гибрида превосходно переносят зимовку в земле и от этого не только не портятся, но, наоборот, становятся еще нежнее и слаще. Их можно скармливать скоту ранней весной и таким образом начинать «зеленый конвейер» не в мае, как обычно, а в августе — два месяца раньше.

Таким замечательным свойствам нового растения. Понятно, почему заинтересовались этой культурой трощики колхозники.

За работой Марченко и других селекционеров много лет внимательно следил киевский ученый, руководитель лаборатории сахаристых веществ Академии наук УССР, профессор Павел Васильевич Голонин. Он не раз приезжал на опытный участок Марченко, подолгу копался в клубневых гнездах гибрида, производил анализы.

Чем же привлекало ученого-химика это гибрид? А тем, что новое растение — культура не только кормовая, но и техническая: из нее можно получать сахар.

Среди бесчисленного множества сахаров, существующих в природе, наибольшее значение для человека имеет сахароза, глюкоза и фруктоза. Сахарозу мы все хорошо знаем: это наш обыкновенный пищевой сахар. Глюкоза употребляется главным образом в кондитерской промышленности и для медицинских целей. Что же касается фруктозы, то о ней ма-

Цветок подсолнечника земляной гречи и гибрида.

до кто знает, а между тем это очень ценный и важный продукт. Фруктоза почти в два раза слаще сахара и в три раза слаще глюкозы. Она хорошо усваивается организмом и поэтому особенно полезна при заболевании диабетом; чрезвычайно ценна в производстве многих кондитерских изделий: варенье, приготовленное на фруктозе, не засахаривается, помадка и некоторые другие сорта конфет не высыхают, торты, пряники, широкие не так быстро черствеют.

Почему же до сих пор фруктоза не заняла сколько-нибудь заметного места в нашей пище?

Одна из причин — трудности промышленного изготовления фруктозного сахара: фруктоза плохо поддается кристаллизации.

Эту задачу удалось решить профессору Головину. Разработанный им новый метод промышленной кристаллизации и очистки фрук-

Кандидат сельскохозяйственных наук И. И. Марченко и старший лаборант И. Г. Висноватов за исследованием клубной гибрида.

тозных соков превосходит все известные дотеле способы. Однако практического применения это открытие не нашло, так как не было сырья для производства фруктозного сахара.

Фруктоза, вернее, углевод инулина, из которого она добывается, содержится во многих растениях, но лишь три из них могут иметь промышленное значение: цикорий, георгин и земляная груша. Первые две культуры трудоемки и малурожайны, а земляная груша, хотя и отличается сравнительно высокой сахаристостью, не получила широкого распространения по причинам, о которых говорилось выше.

Гибрид разрешает и эту проблему. Клубни нового растения содержат инулина значительно больше, чем земляная груша. С каждого гектара гибрида можно получить до 100 центнеров сахара.

Открытие П. В. Головина, ныне члена-корреспондента Академии наук УССР и заслуженного деятеля науки, дождалось своего часа. На основе разработанной им технологии и под его руководством уже составлен проект первого сахарофруктозного завода.

***

Марченко — один из первых, но не единственный создатель гибридов земляной груши и подсолнечника. Одновременно с ним скрещиванием этих культур занимались и продолжают заниматься другие ученые и практик-селекционеры.

Новое, самое молодое растение толькоступает в жизнь. Его еще плохо знают, еще малы площади, занятые посевами гибрида, еще много предстоит поработать ученым над дальнейшим улучшением и совершенствованием культуры. Но начало уже положено.

«Человек может и должен создавать новые растения лучше природы», — говорил Мичурин. Гибрид подсолнечника и земляной груши по своим качествам действительно намного превосходит природные родительские формы. И заслуга в создании такого растения принадлежит советским селекционерам.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Г. ПАВЛОВСКИЙ

Улица Киевская в Сталинграде

Здесь сталинградцы насмерть стояли,
Здесь кивальне ходили в штаны.

Бой отгремел... И застыли в печаль
Остыв здания у Волги-реки.
Сегодня иду я по Киевской нашей,
Радуги-арки радуют взор.

Улица стала просторней и краше;
Тонкие клены ведают разговор.
Слышится смех малышей за оградой,
Побелескивают окнами этажи.

Улица Киевская в Сталинграде,
Ты начинаешь новую жизнь!
Улица Киевская, молодая,
На краях твоих, на высоких лесах
Звучит сталинградская песня живая,
Звучат украинские голоса.

И, утопая в цветах и бульварах,
Словно река, и чиста и светла,
От Киевской улицы, где планетарий,
Улица Мира стрелой пролегла!

г. Сталинград.

Шумавию стойкой спешат ученицы —
Передники белые, юные лица...

Стоит в отдаленье за белой колонной
Простой паренек в гимнастерке зеленой.

Сияют его боевые медали...
— В каком вы году нашу школу

И парень зарделся, неожиданно смутился:
— Я в школе у вас никогда не учился!

И здание это у пестрого сквера
Впервые увидела в глазах дальностью.

С гранатой в руке, сквозь свинцовые
Ползком пробирался я в школьные
классы,

И там, где с подругой сейчас вы стояли,
Я мину нашел в этом актовом зале.

г. Симферополь.

М. РЫЛЬСКИЙ

Лесные гвоздики

«...И что снится — говорилось»
Шевченко.

Где цветут в лесу гвоздики,
Все в росинках, огневые,
Где на листьях солнца блики,
Руки их сплелись впервые.

Анатолий МИЛЯВСКИЙ

Встреча

Сегодня все двери распахнуты в школе,
Сегодня вздохнуть не дают радиока.

Просторная школа, огнями сияя,
Сегодня питомцев своих созывает.

Былые отличники и пионеры —
Теперь — педагоги, врачи, инженеры,

Разведчики неар и студенты из вузов,
Герои Труда и Герои Союза

Пришли, а за ними — широкие ветры
Далеких путей и дорог километры,

Донешки шляхи и реки Сибири...
И кажется школа просторней и шире.

Друзья в коридорах знакомых тоскуются,
За старые парты с улыбкой садятся,

Беседуют жарко, и в актовом зале
Застольную песню поют у рояля.

В жизнь она и он вступали,
Выйдя из аудиторий,
И сердца их утопали
В счастье, как в бездонном море.

Флаэты иволги на буке,
В класках горлиц воркованье,
Зелень, птичьих песен звуки,
Синих, карих газз мерцанье...

— Так навеки? — Без сомнений!
— Милая! — Любимый, близкий! —
И цыглы в знак уваженья
Наклонами низко-низко.

Все сейчас преодолито,
Перед ними дела — горды
И грядущее так зримо,
Как зареные просторы.

Все, что снится-говорилось,
Не забудется с годами...
Сердце сердцу приоткрылось,
Губы встретились с губами.

Перевод украинского
Веры ЗВЯГИНЦЕВОЙ.

Мелочные

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА)

Французские колонизаторы с помощью американских империалистов уже второй год ведут агрессию войну во Вьетнаме. Против миролюбивых народов Вьетнама брошена огромная армия французских экспедиционных и колониальных войск общей численностью свыше 300 тысяч солдат и офицеров.

В неприязнительных боевых операциях принимают участие французские и американские авиация и колониальный французский военно-морской флот.

Вследствие усиления и забастовок народного правительства республик и горячей поддержки трудящихся страны Народная армия Вьетнама ныне превратилась в могучую силу, стала авангардом и дисциплинированной современной

регулярной армии. За годы освободительной войны Народная армия Вьетнама и партизанские отряды добились многочисленных успехов противника, разгромили и уничтожили многие карательные экспедиции и истребили свыше 300 тысяч вражеских солдат и офицеров.

Недавно войска вьетнамской Народной армии в результате ряда контрприступов ударов окружили у Дьен-Биен-Фу значительную часть французского экспедиционного корпуса в Индо-Китае. В окружение попало свыше 13 тысяч французских солдат и офицеров.

В кровопролитных боях под Дьен-Биен-Фу принимали непосредственное участие самолеты Советских ВВС.

Сидевший на постели человек астал. Несмотря на полумрак, было видно, что он мал ростом и очень подвижен. Вза старика за плечи, он сказал:

— Это очень хорошо, очень. Я поднялся, как вы видите, и раздал их план — сконцентрировать оборону лишь вдоль дороги и в самом городе. Выдвинутье далеко вперед сторожевые посты будут представлять сами себя.

— Они не ждут нашей атаки через Черную реку, считают, что это невозможно.

— Хорошо, путь у них длинный.

— Так нужно. Веса отряда этого негодая Рустина направляет в Сюа-Банк. Мне кажется, в разведку их план — сконцентрировать оборону лишь вдоль дороги и в самом городе. Выдвинутье далеко вперед сторожевые посты будут представлять сами себя.

— Они не ждут нашей атаки через Черную реку, считают, что это невозможно.

Но, несмотря на эту помощь, крепость Дьен-Биен-Фу пала под ударами Народной армии.

Уже в настоящее время оноло в прошлом — все расходы на индонезийскую войну оплачивают американцы. За продолжение «грязной войны» американские империалисты обещают оказать французскому правительству самую широкую финансовую и материальную помощь. Недавно было официально объявлено, что в нынешнем году США решили вырасходовать на ведение войны в Индо-Китае 1,124 миллиарда долларов.

Американская печать более не скрывает факт вмешательства США в войну во Вьетнаме. Индо-Китай быстро превращается для нас во вторую Корею — пишет американская буржуазная газета «Кристиан сайенс монитор».

Вместе с тем наиболее дальновидные буржуазные газеты предполагают, что слова Дьен-Биен-Фу — так называла оборону крепости работа «Мюди» — является лишь эпизодом, который характеризует безнадельность положения интервентов Народов Вьетнама. Нгун-Тайо и Кхмера с нарастающей энергией продолжают свою национально-освободительную войну против французских колонизаторов. Массовый героизм проявляет в Демократической Республике Вьетнам весь народ. Он ведет справедливую, освободительную войну против французских колонизаторов.

Многочисленные отклики на Ижевское совещание, где, в частности, обсуждался индонезийский вопрос, убедительно показали, что народы всего мира требуют прекращения агрессии в Индо-Китае, путях заключения соглашения, основанного на принципе свободы и национальной независимости.

Сегодня на страницах нашего журнала мы помещаем отрывок из романа прогрессивного французского писателя Пьера Куттудэ «Четная река», посвященного разоблачению «грязной войны» во Вьетнаме. В отрывке читатели познакомятся с одним из героев романа, отрядным вьетнамским патриотом Нгуаном Хуонг Хоз, уничтожившим палача Рустина — командира бодьеского карательного отряда «Серых пантер».

второй внутренний двор, выходящий на рисовые поля в двадцать метров отсюда, виднелась банановая плантация, простираясь

шався до самого леса. Никого не зная поблизости, он поднялся наверх.

— Можете идти за мной. Он проводил Нгуна до ворот и слегка поклонился ему. Тот взял его за руку.

— Спасибо... Спасибо, брат. Радость охватила сердце старика. Он долго смотрел вслед ушедшему, пока тот совсем не исчез среди мощных от дождя банановых деревьев. Губы его шептали: «Счастливого пути тебе, счастья тебе».

Нгуан Хуонг Хоз во-время достиг Сюа-Банка и предупредил местных подпольщиков о приближении опасностей. Он выполнил свою задачу, но, когда собрался покинуть деревню, понял, что уже поздно: форменки «Серых пантер» мелькали на площади перед церковью.

Нгуан отправился к деревенскому кузену, у которого под пологом был вырыт тайник. Это была узкая траншея длиной в два метра. Взяв в нее много бананов через очаг, воздух проник туда через длинную банкувовую палку, зavedенную на улину. В других местах были тайники и пудобные, в некоторых на них можно было даже читать, но таких было мало. В большей части тайников приходилось лежать неподвижно нередко по десять-пятнадцать часов, причем драться не следовало. Дело в том, что в поисках тайников полицейские нередко протыкали землю острыми металлическими прутьями, создавая впечатление, что прут с трудом преодолевает сопротивление земли. Иногда полицейские приводили собак, но на этот случай у входа в тайник развешивался крепкий растор лимонного сока. Дышать здесь приходилось медленно и экономно.

Чтобы не заснуть, Нгуан часами тихо разговаривал сам с собой. Он редко перебирал в памяти эпизоды из своей жизни, считая, что это ничего не даст ему, зато с удовольствием вспоминал прочитанное. Коммунистический манифест он знал наизусть. Слова манифеста горели огненными буквами в тумане его убеждения и заставляли звать о сырой глине. Он представлял себе Красную площадь в праздничный день, аляхистскую делегацию на трибуну. Он размышлял о великих со-

Рисунки Л. Вродатм.

бытия последних лет, мечтал поехать в Пекин, чтобы порадоваться победе многомиллионного китайского народа, прогнавшего своих порабощителей. Однажды он пробыл несколько недель на освобожденной территории. Там он видел советский фильм об Эстонии. Нгуэн вспоминал этот вечер, как чудесный сон. У окружающих его людей в руках было оружие, но все из них тогда были одеты в форму, мало у кого на ногах была обувь, но как они воссияли тем, что видели на экране моделиры, разрабатывающие новые фасоны одежды, большие заводы, автомашины, молодежные демонстрации. «Придет день, когда и у нас будет так», — думал он. Нгуэн часто размышлял над тем, как облачить возделывание риса. Наведено он узнал, что в Китае уже начали выращивать новый сорт риса, который не требует много влаги.

Там он мог лежать и думать по-другому.

К куницею деревни Суо-Бан Нгуэн пришел второй раз. Конечно, было бы лучше, если бы никто, кроме него, не знал о тайнике. Но другого уберечься в Суо-Бане не было. Кунец дал ему стакан риса, и он пошел в траншею.

Нгуэн явственно различал шум куницы и голоса над собой. Куница и его помощники говорили, что обсыки идут во всех домах и что французы уже подожгли лагуну старого Донга, сын которого ушел в партизаны.

Но вот удары молота о никелевые пререкатились. Нгуэн застыл.

— Они идут сюда, — сказал кунец.

Нгуэн услышал стук прикладов о землю. Шагов он не различал, только свет от солдат был на резной подошве. Они говорили по-французски, и он не понимал их. Казалось, солдаты переговаривались между собой. Затем чей-то голос сказал по-вьетнамски:

— Господни приказывает тебе уйти, а твою помощницу оставить. Он вздует огонь в горне, когда потребуются.— И опять заговорил по-французски. Кто-то даже зашел. Затем переводчик сказал:

— Идите за мной и дочерью. Скажите, что господни требует к себе их обож.

Послышался смех. Затем кто-то спросил, что надо делать с людьми, находящимися в полицейском участке. Переводчик ответил:

— Поместить девушек отдельно.

Они опять заговорили по-вьетнамски и по-французски. Из обрывков этих разговоров Нгуэн понял, что командир отряда приказал смечь лагуну и разрушить плотину на полях. Затем он услышал шлепанье босых ног и понял, что привели старого Донга и его дочь. И тотчас же в комнате поднялся невероятный шум.

— Где твой сын! — допытывался у Донга переводчик. — Скажи нам: где он прячется?

— Я не знаю, где мой сын, — отвечал старик. — Я не видел его несколько лет.

— Господни говорит, что ты хорошо сохранился для своих лет. Без бороды ты будешь выглядеть совсем молодым. Сейчас позовут парамеджера, он сделает тебя красивым.

Послышался стон старика и

смех солдатки. Маленькая Ту закричала:

— Не делайте ему больно! Не делайте ему больно!

Нгуэн понял, что старику подпалили бороду зажигалками. Враги часто забавлялись таким образом...

Он закрыл глаза. Чувство собственного бессилия подавляло его. Но Нгуэн повторял себе, что не имеет права выйти сейчас.

Чтобы не слышать того, что происходило над ним, он заткнул уши пальцами. Небольшой комочек глины упал ему на лицо, но Нгуэн не смаянул его. Неожиданно наступила тишина, и он отнял руки от ушей. Но тут же послышался голос старого Донга, затем жалобный крик. Нгуэн подумал, что старика, вероятно, пытали каленым железом. Теперь кричали все сразу, но особенно выделялся голос Рустина. Затем переводчик сказал: «Довольно», — и Нгуэн мелькнула надежда, но тут же раздался два выстрела, один за другим. Шум наверху поемному унялся.

Еще несколько долгих часов пробыл Нгуэн в своем тайнике, но имея силы хоть на чем-нибудь сосредоточить мысль. Ненависть к мучителям мазоловала все его существо. Стало трудно дышать. Наконец, сунув пистолет за пояс, он поднялся и выбрался навстр.

Была глубокая ночь. Комната, в которой жил кунец и его семья, была пуста. Нгуэн выбежал на улицу и прилеп у края дороги, жадно вдыхая влажный воздух.

Немного прийдя в себя, он окинул взглядом деревню. Инкогнито дома горели. Дымная завеса тянулась над дорогой. Нгуэн проползнул на другую сторону деревни. В окне одного из домиков горел свет. Мимо прошли солдаты.

Притаившись, Нгуэн услышал приглушенный многоголосый говор и тут только различил окруженную солдатами черную толпу, сплунувшую возле стая. Зажигались огни автомобильных фар, и Нгуэн широко открытыми от ужаса глазами увидел на столбе обезображенный труп маленькой Ту. На груди ее висела дощечка с надписью: «Вьетнам».

Нгуэн спрятался на рисовом поле, держа над водой заветурный в бановый лист пистолет. Он слышал, как прошли по дороге, подгоняемые солдатами, жители Суо-Бане. Когда их голоса ушли, Нгуэн вылез из воды и направился к домику, в окне которого горел свет. Вдруг он увидел в двух шагах от себя тень часового. Нгуэн не успел выстрелить — солдат ткнул ему в живот дулом автомата. «Не стреляй», — сказал часовой по-вьетнамски. Он

стоял, прижавшись к стене, так близко от Нгуэна, что тот различил на форменке значок отряда — голову пантеры с оксанной пастью. Это был вьетнамец.

— Не бойся, — заговорил солдат. — Ты хочешь его видеть?

— Кого? — спросил Нгуэн.

— Рустина.

— Почему ты это спрашиваешь? Ты с ним заводи?

— Идем. Пригнись.

Солдат провел его к бамбуковой перегородке.

— Вглянись.

Рустин сидел на низком табурете. В одной руке он держал лампу, а другой шарил в деревянной шкатулке, стоящей перед ним. Нгуэн видел его спину и золотые монеты, браслеты, ожерелья, украшенные драгоценными камнями, которые сварили в блеклом свете лампы.

— На кого он похож? — прошептал Нгуэн.

— На животное, — ответил вьетнамец. — Ты хочешь его убить?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я охраняю его дом еще час.

— Почему ты с ним?

— Я не отвечаю тебе. Не твоё дело. Только скажу: если хочешь его убить, можешь это сделать.

— Отойди, — сказал Нгуэн.

Солдат отошел на несколько шагов, затем вернулся.

— Будь внимателен. Он заговаривает пугли. Он его не трогает.

Этот демон, а не человек.

— Я не боюсь его. Отойди.

Солдат исчез среди деревьев.

Нгуэн прижился к перегородке и сильными ударами ноги расклатывал настелы. Рустин астал, продолжая держать лампу в руке.

На минуту Нгуэн увидел его бледное лицо и тотчас в упор выстрелил в эту живую массу и затем еще два раза в упавшее тело.

Он не успел пробраться и двадцати метров, как был схвачен.

Среди людей, которые его держали, Нгуэн узнал часового. Затем под градом обрушившихся на него ударов он потерял созна-

Перевел с французского
А. БРАГИНСКИЙ.

ДРАГОЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Король Лир — народный артист СССР Феофанов-Осетинский АССР В. Хатасев.

Недавно исполнилось 390 лет со дня рождения великого английского писателя Уильяма Шекспира. Шекспир — современник эпохи Возрождения, которая, по определению Энгельса, была эпохой величайшего прогрессивного переворота. То было время огромных социальных сдвигов, когда совершался переход от феодального строя к буржуазному. Шекспир запечатлел в своих творениях эту бурную эпоху.

Уроженец небольшого провинциального городка Стратфорд-на-Эвоне, сын мелкого торговца-ремесленника, Шекспир двадцатилетним юношей пришел пашком в Лондон и стал работать в театре. Он был сначала актером, потом стал писать пьесы, быстро завоевавшие признание современников. Театр, для которого создавал свои пьесы Шекспир, был театром народным. Его публику составляли главным образом горожане, ремесленники, матросы и бедный лондонский люд.

Шекспир разделял взгляды гуманистов — передовых людей своего времени, борющихся против феодально-аристократического строя. В пьесах — хрониках из истории Англии — «Генрих VI», «Ричард III», «Юрьюэ Дюнон», «Ричард II», «Генрих IV» — Шекспир обрисовал жестокие и свирепые феодальные, постоянно ввергающих народ в кровавые войны. Миру феодальной вражды и ненависти Шекспир

вынес суровый приговор в своей замечательной трагедии «Ромео и Джульетта», юные герои которой отыскивают нить по кровавым узлам феодализма.

Утверждением светлых гуманистических принципов были посвящены и неизрадастные комедии Шекспира — «Укрощение строптивой», «Два веронца», «Много шума из ничего», «Двенадцатая ночь», «Как вам это понравится», «Виндзорские кувшины» и другие. Герои большинства комедий Шекспира — юноши и девушки, полные юности и энергии, борющиеся за то, чтобы жизнь была красивой и достойной человека. Они отстаивают свое право на счастье и любовь, отвергая все, что мешает свободному развитию человеческой личности.

Гамлет — народный артист СССР П. Молчанов.

Великая заслуга Шекспира как мыслителя и художника состоит в том, что он одним из первых увидел ту опасность, которую нес людям утвердившийся буржуазный строй. В пьесе «Венецианский купец» Шекспир показал в образе ростовщика Шеллона жестокость золота над человеческой жизнью. Карл Маркс писал о том, что в

Отелло — народный артист СССР А. Остухев.

трагедии «Тимон Афинский» Шекспир «превосходно изображает сущность денег». В своих величайших трагических произведениях «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет» Шекспир отразил социальные противоречия своей эпохи и выразил протест народа против всех форм гнета.

Даже трагические произведения Шекспира проникнуты глубокой верой в человека, надеждой на освобождение его от всякого гнета. Шекспировские герои умны, смелы, они борются против зла во имя высших идеалов человечности. Богатство идей, многосторонность образов, необыкновенная драматичность конфликтов, глубина трагизма, неподражаемый юмор, высокая поэтичность языка придают бессмертие произведениям Шекспира.

В России знакомство с Шекспиром началось еще в XVIII веке. Драматург Сумароков в 1748 году переработал шекспировского «Гамлета» в соответствии с принципами драмы классицизма. Екатерина II, занимавшая литературным творчеством, переделала комедию «Виндзорские кувшины» под названием «Вот новое имеет названье и белое». Еще в начале XIX века Шекспир ставился на русской сцене в переделках, иногда доволь-

но далеко отпавшихся от оригинала. Пушкин и Белинский содействовали тому, что вместо полных переделок на русской сцене зазвучал подлинный Шекспир. В 20-е годы XIX века великий актер Мочалов своим блестящим исполнением ролей Гамлета и Отелло заложил в России основы реалистического шекспировского театра. В 30-е годы XIX века великий актер Мочалов своим блестящим исполнением ролей Гамлета и Отелло заложил в России основы реалистического шекспировского театра. В 30-е годы XIX века великий актер Мочалов своим блестящим исполнением ролей Гамлета и Отелло заложил в России основы реалистического шекспировского театра. В 30-е годы XIX века великий актер Мочалов своим блестящим исполнением ролей Гамлета и Отелло заложил в России основы реалистического шекспировского театра.

В то время как в театрах капиталистических стран пьесы Шекспира подвергаются декадентским искажениям, советский театр высоко поднял наследие великого писателя, глубоко раскрыл гуманистические идеи, пронизывающие его драматургию. В СССР Шекспир зазвучал на языках почти всех народов нашей страны. Остухев, Морданов, Корва, Гагарин, Хитов, Дымнибин, Хатасев и другие выдающиеся советские актеры создали целую галерею ярких шекспировских образов. Советские режиссеры Станиславский, Хмелев, Попов, Завидский и другие разработали новые типы постановок, позволяющих с наибольшей полнотой раскрыть все многообразие и богатство реализма, огромные масштабы страстей героев, глубинный социальный и философский смысл комедий и трагедий Шекспира.

Начиная с XIX века в России делались многочисленные переводы Шекспира, давшие русскому зрителю возможность широко ознакомиться с творениями английского писателя. Высокого уровня достигло мастерство переводов Шекспира в советское время. Переводы Лозинского, Пастернака, Маршала, Аргунского, Евдокимова, составили на русском языке своеобразную шекспировскую поэтическую стилистику.

В условиях социалистического общества наследие Шекспира обрело широчайший слогарь народа.

А. АНИКСИТ,

кандидат филологических наук.

Абулькисим ЛАХУТИ

ОТЕЦ И ДЕТИ

— Отец мой, чем ты так подавлен?
Куда твой скорбный взгляд направлен?
Что видишь ты вдали?
— Иран.
О нем я думаю откровенно.
Я вижу, будто оковы туман,
Вордо — рабочих и дехкан —
В цепях, страдающих от ран,
Но с поднятою головою.
Вот схвачен смелый партизан,
У горла лезвие стальное.
Кричат: «Винись перед топаком!»
— Виниться? В чем? Я не стыжусь.
Свой путь я выбрал, им горжусь.
«Так расставайся с головою!»
— Рубите. Смерти не страшусь!
Вот слово мужества простое...

Смотрите... Мать, чей сын убит,
Угла на тушу его, лежит,
Лицо нотками раздирает...
Вот отшвырнул ее палач.
И сразу смак надрытый палач.
Сурово кулаки сжимая,
Вся гнев и месть, она встает
И палачу в лицо палает.
В смеянье жителя бьет.
Что вижу? Догонит, бьет...
И грабит злобно... Без слова
Все тащит с трупа и с живого.
Рубаху-равань — и ту берут...
Вот старику ёжуртмат руки,
Избитого, ведут на муку.
— Отец, за что же, объясни,
За что им кандалы и лютети?
В чем виноваты люди эти?

И те, кто судят, кто они?
— Фашистам палачи сродни:
Творят не суд, насилье злое.
В цепях — народные герои,
Ирана лучшие сыны.
Они в отле борьбы суровой
Хотят добиться жизни новой,
Имя за ними нет вини.
Хотят, чтобы рубили оковы
Народ и мирный, светлый дом
Обрел нарек в храм своем,
Чтоб счастья песью вокруг звучала —
Ну, а теперь... Скажи, отец,
Неужто их хорбы конец?
— Нет, дети. Это — лишь начало.

Перевод с фарси
С. БАНУ.

Виноград

В. БЕРЕТОВ

Ну и дом! Идилл или прохажий —
Все его безмолвно обрывает
Но ему-то, бедному, за что же
Достается? Дом не виноград!

Дом, конечно, плох, но, по правде,
Он уны, таном и долмам быть.
Мне с тобой сегодня, аргентентор,
Хочется всеяра поговорить.

Гнездами железными балконав
Для его обожает этот дом.
Если в каждом могут две вороны
Поместиться (да и то с трудом)?

Для чего залупенный и сирый
Ты его оставил со двора?
А ведь там свое знакомство
С миром

Начинает наша дятелора!
Для чего, сохраняя не жалая,
Лестнице ты дал таной разлог,
Что во без лифта одолевает
Только... «обсессионный» человек?

Ветг горной от него печально.
Ни души, ни красоты в нем нет.
Дом согрет одной теплопарностью
Но любовью и людям не согрет.

Можно снечь ступня макулатуру,
Выбросить изделие пошлака.

Но пятнадцатая культура,
К совмелению, простит венка.
Вот об этом ты понаше думай
И в начале нового труда
Вспомняй, что где-то дом
Угрюмый
За тебя сгорает от стыда.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Л. Абрамова

Последние события в шахматной
жизни еще раз подчеркивают пре-
мущество советской шахматной
школы.

В те дни, когда М. Ботвинник
командой советских гроссмейстеров
выступала в столице Аргентины
Буэнос-Айресе, четыре аргентинских
мастера участвовали в Бухарестском
миждународном турнире. Итоги
всех соревнований весьма при-
мечательны.

Шахматная команда Аргентины
считается второй в мире. На по-
следней международной олимпиаде
она подтвердила свою репутацию,
пропустив вперед лишь команду
белогого Советского Союза. Среди
аргентинских шахматистов три междуна-
родных гроссмейстера, чемпион мира
среди юношей и он же чемпион
страны О. Панно. Если учесть еще,
что «дома и стены помогают», то
понятно, что многочисленные арген-
тинские любители шахмат сильно
расчитывали на успех.

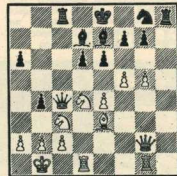
Однако результат матча принес
ни полное разочарование. Команда
СССР превозмогла даже самые смелые
предположения: 20½/11½ —
такой результат товарищеской встре-
чи двух сильнейших в мире
команд.

На первой доске аргентинский рекла-
мирующий свои достижения М.
Найдофф набрал лишь 1½ очка,
а Робин Д. Бришгейта, «Дважды
чемпион» Панно проиграл
своему чемпиону СССР Р. Зуер-
Саху со счетом 1:3, и вообще ни
одни очки команды Аргентины не
смогли добыть первенца.

Но если в Буэнос-Айресе высту-
пала весьма успешная группа ма-
стеров, неоднократно добивавшихся
успеха в международных встречах,
то в Бухаресте прибывшие советские
мастера, впервые игравшие за ру-
сскую «Нончеку» принесли сра-
жаться с сильнейшим шахматни-
ком в восьми ставях. Наиболее
успешным поединком выделя-
лись гроссмейстер Г. Шталберг

(Швенц) и международный мастер
Л. Пахман (Нехоловацкий).

Первые встречи проходили с пе-
ремолочным успехом, но на финише
советские мастера уверенно выш-
ли вперед. Естественна закончила
соревнование 23-летний студент
Ленинградского университета Ви-
ктор Кочурин. Он набрал 13 очков
из 17 и оказался победителем
большого международного турни-
ра. Чемпион РСФСР Рашид Ней-
метдинов, набравший 12½ очка,
завладел вторым местом. Р. Холлов
разделил третье и четвертое места с
чехословацким мастером М. Фи-
липом, С. Фурман — шестое и
седьмое места с Пахманом.
Одним из пинов за самую кра-
сивую партию была отмечена
встреча Нончекудинова с италиян-
ским мастером Паоли. Приводим
описание этой партии, которую
большой игрок советской масте-
р

В этом обостренном положении
белые предлагают жертву фигуры.

20. g5—e6 21. e6—e5
22. Фг7—h7 и белым легко выигры-
вают, так как черные не могут со-

Деревья в стене

Ижнир — одно из самых непри-
хотливых деревьев субтропической
флоры. Его семена, полая, напри-
мер, в трещину стены, не погни-
бают, как семена большинства

растений, а пускают корни и, на-
стойчиво пронизывая цементный
раствор, постепенно достигают
почвы.

Приживающиеся на южные по-
бережья Канала с утолщением рас-
ширяют огромные деревья иж-
нира, растущие в стенах домов,
на скалах.

Срезанный черенок ижнира
быстро приживается и через не-
сколько лет дает плоды. Поэтому
многие курортники увозят с собой
черенки ижнира для выращивания
в домашних условиях.

21. h2—h3 Фd4:c3
22. g2—f1 Кр8—f8

После 22... Кр:17 23. Фг7+
Кр8:24. Ф:18 белая добивалась
материального преимущества, до-
статочного для победы.

23. Фd3:17 e5:d4

Теперь черные хотят добиться
нижней путемchetto шаха: 24...
Ф:с2+ 25. Крd1 Фс3+ и т. д.

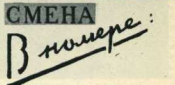
24. Сd3:d41 Фb3:c2+
25. Крb1—a1 Лb8—b2

Хотя у черных две лишние фи-
гуры, но ставится они не могут.
26. Сd4—b4+ 25. Лс8—с7
27. Фf7: e8+

Паоли сдается, так как получает
мат и два чекма (27... Сb8 28.
Ф:18 Сd8 29. Фг8 h7+).
Превосходное достижение советского
мастера!

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

- По вертикали:
1. Хмельно. 2. Днепр. 3. Мине-
ния. 4. Дюбуа. 5. Лыжина. 9. Не-
чай. 10. «Дума». 11. Бров-
ны. 13. Оссава. 14. Бухарест. 16. Сибир-
ор. 17. Гоголь. 18. Карась.
19. Курень. 22. Копка. 23. Баль-
но. 24. Тавар. 25. Лоба. 28.
Дуброва. 29. Редия. 31. Богуи.
34. Галан. 35. Собла.
- По горизонтали:
4. Хмельняцкий. 7. Тополь. 8.
Черныш. 9. Народ. 11. Булбак.
12. Ирино. 15. Бухарест. 20. Казач-
ок. 21. Ватуны. 22. Канев. 26.
Ярослав. 27. Лысенин. 30. Гауши-
ни. 32. Артеп. 33. Кобва. 36. Си-
ващ. 37. Коуф. 38. «Галдяман».

Микла Нагнибеда — Лесная
баллада. Стихи.

С. Воронко — На Корусин-
ском поле.

Ал. Серыпинк — В степи.
Рассказ.

Михаил Загорович — Обще-
ствие № 3.

Валентин Рыбин — Огни в пу-
стыне.

Б. Вадецкич — У юбарей.
Отрывок из романа «Глинка».

Молодые художники стилист.
С выставки.

Н. Ланин — Крепость на остро-
ве Ютлин.

В. Сушнов — Ступи полтора
столетия.

Галина Шергова — По над-
Камой.

А. Прис — Растение, создан-
ное человеком.

Литургические стихи.

Пьер Куртад — Черная река.
Отрывок из романа.

А. Анкст — Драгоценное на-
следие.

Абулманис Лахути — Огни и
лети. Стихи.

В. Веретов — Дом не вино-
град. Стихи.

На первой странице об-
ложки: После зимане. Фото
В. Угрина.

На четвертой странице
обложки: Е. Асламазян —
Строительство мост.

Оформление номера
В. Урина.

Технический редактор
О. Шнова.

Главный редактор М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 47. ул. «Правда», 24. Тел. Д-3-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Над № 428.

А 01918. Подписано и печати 19/IV 1954 г. Заказ № 1301.

Формат бумаги 70 x 108 см.

1,75 бум. л.—4,8 руб. лт.

Бухта Раосты — любимое место сбора московских туристов. Здесь на берегу Кизляминского водохранилища дважды в год проводится туристские Слеты. На снимке — группа туристов в Бухте Раосты.

